

РИТА НАВЬЕР

*В моем сердце
ты...*

Рита Навьер

В моём сердце ты...

<https://litres.ru/74320267>

Аннотация

Он должен был стать звездой футбола, а стал офисным сотрудником. Он мог бы привыкнуть к этому, вот только его босс – красивая и несносная стерва. Она выводит его из себя. Она отравляет каждый его день. Но только она заставляет его сердце биться чаще и желать невозможного. ХЭ!

Содержание

0	5
1	6
2	9
3	13
4	16
5	23
6	28
7	33
8	38
9	42
10	45
11	49
12	54
13	59
14	62
15	68
16	75
17	80
18	83
19	89
20	95
21	98
22	104

23	107
24	112
25	117
26	121
27	124
28	129
Конец ознакомительного фрагмента.	134

В МОЁМ СЕРДЦЕ ТЫ...

Он должен был стать звездой футбола, а стал офисным сотрудником.

Он мог бы привыкнуть к этому, вот только его босс - красивая и несносная стерва.

Она выводит его из себя. Она отравляет каждый его день.

Но только она заставляет его сердце биться чаще и желать невозможного.

Андрей изнемогал.

До конца рабочего дня оставалось чуть меньше сорока минут.

Каждый в офисе коротал их, как мог - насколько хватало фантазии и смелости. Ибо откровенно расслабляться было рискованно, да и особо занять себя нечем. Компьютеры через удалённый доступ отслеживались - за чатики, игрушки и прочее «внерабочее» могли впасть выговор и лишить премии. На первый раз. Прецеденты были...

Самые упёртые и прилежные, конечно, трудились до последней секунды, но таких в конторе - раз, два и обчёлся. Остальные делали вид.

Сам Андрей искренне считал, что от работы конидохнут, во всяком случае, от такой - рутинной, монотонной и, по большому счёту, бессмысленной.

Он, в общем-то, выполнял то, что требовалось, но без энтузиазма, и к вечеру от таблиц, диаграмм и матриц у него рябило в глазах и ломило затылок.

Иногда Андрей спрашивал себя: что он вообще тут делает? Здоровый, сильный, молодой мужчина... И сам же отвечал, точнее, напоминал себе с привкусом горечи: не такой уже и здоровый.

После очередной травмы на футбольной карьере пришлось поставить крест. Окончательно и бесповоротно. Сдался он не сразу - потребовалось больше двух лет упорного лечения, реабилитации и щадящих тренировок, чтобы, в конце концов, признать - врачи на этот раз с «вердиктом» не ошиблись. Нога после разрыва ахиллова сухожилия полностью не восстановится никогда.

Он не годился даже в запас.

И ладно бы ещё ему хорошенько за тридцать перевалило, а то ведь двадцать пять, самый расцвет... Всего три года, как из дубля в основу перевели, только начал в премьер-лиге играть, расправил крылья, чуть вкусил славы и... на тебе - ни крыльев, ни славы, ни будущего...

Предлагали ему в клубе какие-то варианты. Он подозревал, что из милости, за былые заслуги. И не варианты даже, а так, подачки - только душу травить. Не принял, решил, что если уходить, то уходить - не цепляться, не кланяться, не давить на сочувствие. Просто отринуть всё, вычеркнуть, не думать.

Это далось сложнее всего - отказаться от мечты, которая ценой невероятных усилий стала реальностью, от цели, к которой стремился с детства. Как будто всё было зря, всё впустую.

Вернулся из столицы в родной город.

Если бы не поддержка родителей, наверное, сорвался бы. Он и так месяца два беспробудно пил. Потом ни с того ни с

сего увлёкся сетевыми играми - то ещё болото.

Родители уговаривали найти работу и жить дальше, как живут все нормальные люди.

Андрей негодовал - они разве не понимают, что с футболом его жизнь закончилась? Ибо разве это жизнь? Это существование. А не всё ли равно как существовать? Однако, в конце концов, сдался.

Отец с кем-то важным договорился, и этот кто-то построил его на непыльное место в хорошей компании.

Вот так Андрей Батурин, ещё вчера блестящий форвард, стал рядовым специалистом рекламного отдела и почти ассимилировался с офисным планктоном.

Но это случилось чуть позже, а поначалу он ужасался:

- Я же ни черта в этом не смыслю! Где я и где реклама?!

- Ты же в компьютерах смыслишь, целый день перед монитором сидишь. Так вот там - то же самое, - возражал отец. - Уж сообразишь, что к чему, не дурак же. Главное - стаж будет идти. И зарплата какая-никакая.

Андрей, в общем-то, не очень и упрямылся. Если не футболом, то не всё ли равно чем ещё заниматься? Пусть будет офис, пусть будет реклама.

Андрей посмотрел на часы: ещё двадцать минут до свободы.

Работа и впрямь была нудная, даром что рекламный отдел. Творчеством они не занимались совсем.

«Творили» в Москве, в головном офисе. А тут - филиал, и их задача состояла в том, чтобы реализовывать идеи свыше.

Без пятнадцати в кабинет ворвалась Люба, тоже специалист, только старший. Именно ворвалась, стремительно и шумно, вмиг всех переполошив. Звонко процокола на каблучках к своему столу и театрально рухнула в кресло. Схватила степлер, тут же с психу отшвырнула.

Все присутствующие, и Андрей в том числе, таращились на неё с удивлением, интересом и тревогой.

- Вадик меня из-за этой суки убьёт! - воскликнула Люба горестно.

Кто такой Вадик - все в отделе знали. Это муж Любы, про него она могла рассказывать часами.

Кто сука, в общем-то, тоже догадывались, но Арсений Мазутов, маркетолог, уточнил:

- Из-за кого убьёт?

- Из-за кого, из-за кого! Из-за Старухи!

Старухой в народе называли директора, Елену Эдуардовну Кострову.

Это бредовое прозвище прилепилось к ней вовсе не из-за возраста - ей едва ли тридцать исполнилось, - а из-за дурного, совершенно несносного нрава.

Фюрер с внешностью рафаэлевской мадонны... Особенно если включить воображение и распустить по плечам тёмно-русые волосы, обычно собранные в безупречно гладкий валик, а строгий костюм сменить на нечто более женственное.

Впрочем, как женщину её никто не воспринимал. Почти никто...

Дотошная, стервозная, надменная, до абсурда требовательная и до отвращения язвительная - так о ней отзывались практически поголовно, и это если очень мягко.

Собственно, «старухой» она стала благодаря кадровику Мише Короткову, страстному поклоннику советского кинематографа в целом и фильма «Служебный роман» в частности. Он частенько цитировал киношные высказывания к месту и не к месту.

Однажды с кем-то в разговоре ввернул по случаю: «Держитесь, Иванов. Старуха сильно вами интересуется. Личное дело затребовала!».

Те, кто слышал - фразу узнали, посмеялись, а уже на следующий день это случайное «старуха», словно злостный ви-

рус, расползлось по учреждению.

Сначала её так называли в шутку, а затем как-то незаметно шутка укоренилась.

Когда дело касалось Елены Эдуардовны, коллектив проявлял редкостную сплочённость, ибо ненавидели её все, ненавидели дружно, солидарно, сообща. Пусть за глаза, но от души.

Андрей в первое время выбивался из общей струи, поскольку привык строить своё отношение к людям самостоятельно. И все эти шепотки за спиной, рассказы, как, кого и при каких обстоятельствах «старуха» обидела, ровным счётом никак на него не влияли. Если не наоборот.

Поначалу он даже проникся к ней.

Во-первых, внешне, что уж скрывать, она ему очень понравилась. Неприступная, грациозная, с безупречной осанкой, точёными ножками и взглядом богини. Любовался бы и любовался. И не только...

Он даже интересовался у коллег, замужем ли это чудо, на что ему ответили:

- Да кто ж её возьмёт?

Ну а во-вторых, выиграло извечное желание встать на сторону «слабого» и всеми порицаемого, ибо толпой на одного - последнее дело. Правда, желание это играло недолго.

- Не надоело, - встревал он в бесконечные обсуждения

«старухи», - перебивать ей косточки? Ну, честное слово, как скамеечные бабки. Слушать противно.

- Ну и не слушай, - огрызались одни.

- Выслужиться хочешь? - подозревали вторые. - Ну-ну...

- Ты поработай подольше, и мы посмотрим, как ты запоёшь, - снисходительно замечали третьи.

Прошёл месяц с копейками, как он устроился.

Сентябрь изводил своим непостоянством: то жарило, как в разгаре лета, то заливало холодными дождями. Погода порой менялась по несколько раз на дню. Не велика беда - если за рулём, но его любимчик Опель так некстати вдруг забарахлил. Потому пришлось оставить машину у приятеля в сервисе и на работу добираться своим ходом.

«Ничего, - думал Андрей, - это даже удовольствие - утром пройтись, подышать свежим воздухом, взбодриться...».

Взбодрился ещё как! Он просто забыл, каково это - штурмовать маршрутку в час пик, когда и расталкивать народ стыдно, и ехать надо. Но с горем пополам всё же втиснулся, а на своей остановке еле вырвался.

Ну а почти у самого здания - осталось только дорогу перейти - его настигла неприятность в виде чёрного Прадо, который, игнорируя пешеходный переход, промчался мимо и, подняв гигантский веер брызг, обдал его с ног до головы грязной водой.

Брюки, рубашку, пиджак - можно было сразу сдавать в химчистку. И самому - прямиком в душ.

Прадо тем временем лихо завернул на парковку перед офисом. Ну а лихачом оказалась Елена Эдуардовна, соб-

ственной персоной.

Как мог, Андрей замыл грязные пятна с костюма и ботинок, но белая рубашка была изгажена непоправимо. Неуютно, некрасиво, но что поделать?

Вышел из уборной и, какой уж есть, отправился к себе в отдел. И, конечно, столкнулся в коридоре с Еленой Эдуардовной.

Директор бегло осмотрела его и даже, кажется, слегка скривилась.

- Вы кто? - спросила резко.

- Батулин Андрей, отдел рекламы, - мрачно ответил он, сдерживая порыв запахнуть полы пиджака и спрятать бурые разводы и потёки. В тот момент она ещё ему нравилась.

- В самом деле? - она вздёрнула тёмную, идеальной формы бровь. - А я уж испугалась, что к нам сюда бомж забрёл. Вы что, в подворотне ночевали? Почему в таком виде?!

Мимо торопливо проскакивали сослуживцы. Их, конечно, снедало любопытство, но страх попасть под горячую руку был сильнее.

Андрей вспыхнул - да что она себе позволяет?

- Почему я в таком виде? - сурово повторил он, подбоченясь. - А я скажу, почему! Потому что одна...

- Вопрос был риторический, - перебила она его. - Меня совершенно не волнуют ваши «почему». Ещё раз явитесь на работу в непотребном виде - уволю.

Выдав сию тираду, Елена Эдуардовна обогнула Андрея,

просто опешившего от такой наглости, и уверенно пошла дальше.

С тех пор он невзлюбил её, как и все. Думал даже - это её ещё пощадили, окрестив старухой. Он бы нашёл словечко позабористее. Ну да ладно, старуха так старуха.

За прошедшие месяцы она лишь усилила плохое впечатление о себе.

Стыдно было вспомнить, что когда-то он заглядывался на неё как мальчишка, мечтал и на полном серьёзе планировал познакомиться поближе.

Вообще, пересекались они не часто. Андрей ведь кто? Сошка, крохотный винтик во всём этом сложноподчинённом организме с гордым названием: финансово-строительный холдинг «Новый Рим».

Таких, как он на планёрки и диспетчерские к директору не гоняют. Задания спускают через третьи, а то и пятые руки. Отчитывается он перед начальником отдела. В столовую, пристроенную к их зданию, Елена Эдуардовна, разумеется, не заглядывает - местное меню ей явно не по вкусу. Да и не к лицу такой особе обедать с простым человеком.

На общей неохраняемой парковке перед зданием она свою машину ставила редко - заезжала во внутренний двор, обнесённый металлической оградой.

Словом, на рабочей территории существовали они параллельно, что - к счастью, ибо век бы её не видеть.

Но иной раз эти параллельные всё же выписывали неожиданные зигзаги, и он сталкивался с ней на лестнице, в фойе, в коридоре. Сразу мрачнел и напрягался.

Обычно Елена Эдуардовна проходила мимо, не замечая его. Но случалось, бросала взгляд, быстрый и цепкий, и высказывала что-нибудь в духе: «Что за нелепый галстук? У вас вкус вообще есть?» или «Что за вальяжная походка? Вы тут

работаете или по коридорам гуляете?».

И всякий раз при этом спрашивала: «Вы у нас кто?».

Андрей на это больше всего злился - ну плевать тебе, как зовут твоих сотрудников, так не спрашивай. А не плевать - так запоминай.

Поначалу он честно, хоть и с диким раздражением, отвечал. В конце концов не выдержал - вспыхнул: «Знакомились уже!». Она аж растерялась, захлопала глазами.

Неприязнь к ней тихо тлела, пока Андрей её не видел, и вспыхивала с новой силой после каждой такой стычки. Ну и коллеги в отделе не давали про неё забыть.

Вот и сейчас - душой он уже вырвался прочь с ненавистной работы, уже мчался домой на всех парусах, и меньше всего ему хотелось в пятничный вечер слушать про неё. Но остальные приготовились жадно внимать, какое ещё преступление против народа совершила Старуха.

- А что случилось? - спросили несколько человек в унисон.

- Да отчёт ей, видите ли, мой не понравился, - пожаловалась Люба. - Вызвала меня сейчас и отчитала, как двоечницу. Безмозглой обозвала! Какое она право имеет оскорблять меня?! Ну и велела всё переделать. Причём немедленно. А я обещала Вадику быть дома пораньше, мы с ним должны к свекрови на юбилей поехать. Он точно меня не простит. А свекровь так вообще потом изживёт, она и так меня еле терпит, - Люба всхлипнула. - И зачем, скажите на милость,

Старухе этот отчёт прямо сейчас, в пятницу вечером? Что она с ним в выходные делать будет?

- Скажи, что сегодня не можешь, а в субботу приедешь и всё сделаешь, - предложила вариант Дина Шигибаева, до-родная, степенная. Сплетница, конечно, как и все, но зато сама невозмутимость, а иногда и милосердие.

- Говорила! Умоляла даже. Старухе плевать. Она меня просто не понимает! - Люба искривила хорошенькое личико и прошипела, подражая Елене Эдуардовне: - Отчёт должен быть готов сегодня!

- Ну как ей тебя понять, - вздохнула Дина, - если у неё самой семьи нет и не было. Ей невдомёк, что муж и дети требуют внимания. Она на работе, считай, живёт. Вот и думает, что все остальные должны так же.

- Это точно, - хмыкнул Арсений, осматривая свои безупречно ухоженные ногти. - У меня хоть семьи нет, но личную жизнь никто не отменял.

Катя Петрова, худенькая и бесцветная, этакий вечный подросток, зарделась, пряча глаза. Все в отделе, да и не только в отделе знали, что она безнадёжно влюблена в Арсения. И тот, конечно, тоже знал, но делал вид, что не знает.

- Мужика ей надо, да кто такую ведьму вытерпит, - вздохнула Дина.

Хоть Андрей и на дух не выносил Елену Эдуардовну, но от этих сетований «надо мужика», которыми заканчивался практически каждый разговор о директорской персоне, его

уже подбешивало. Ну бред же! Да и не поможет там никакой «мужик».

- Слушай, Катюша, ты же у нас девушка холостая, - заворковала Люба, заискивающе глядя на всё ещё пунцовую Катю Петрову. - Выручи, а? Тебе же некуда торопиться? Сделай отчёт за меня? Я потом тоже тебе как-нибудь помогу.

Все прекрасно знали, что Любино помочь «как-нибудь» - не просто так звучит расплывчато, даже призрачно. Оно как бы есть, но его нет. Люба неоднократно сбавривала Кате свои задания под разными предлогами, упрашивала елейным голосом, опять же обещала, но про свои обещания почти сразу благополучно забывала.

- Катюш, иначе мне конец, - очень убедительно всхлипнула Люба и сделала брови домиком.

Катя, краснея ещё больше, потому что она из тех, для кого отказать кому-то - это целый подвиг, пролепетала:

- Ты же знаешь, я всегда готова помочь, но сегодня, прости, не могу. Сегодня у меня...

- Катюша! Ты меня без ножа режешь! - заголосила Люба. - Мне больше некого просить.

Конечно, некого, потому что Дина Шигибаева сама крепко семейная барышня и чужие проблемы ей до лампочки; Арсений, хоть и не обременён, но просить его об одолжении - бессмысленно, на нём где сядешь, там и остановка. Что говорить - частенько он и сам, не стесняясь, перепоручает свои заботы той же безотказной, бессловесной Кате. Ну а к Ан-

дрею здешний народ стеснялся даже подступиться. Бывшая звезда, как никак.

К тому же, первое время он и сам держался особняком, знаки внимания и заискивания игнорировал, в беседах не участвовал, вопросы про своё футбольное прошлое пропускал мимо ушей. Его, вечно мрачного, вечно молчаливого, стеснялись даже такие незамутнённые совестью создания, как Люба.

Сейчас Андрей постепенно влился в коллектив, привык, кое-с-кем нашёл общий язык, а кое-с кем даже сдружился. Но с подобными просьбами к нему обращаться всё равно не решались.

- Я правда не могу, - взмолилась Катя, - я бы, конечно...

- Катюш, ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Там ведь мало совсем делать. Отчёт готов, только кое-что подправить и всё. Ты такая умненькая, быстро справишься.

- Мне надо успеть в больницу к... - лепетала еле слышно Катя.

- Давай я сделаю, - вызвался Андрей, пожалев Катю, которая уже дрогнула под напором Любы. Ещё немного и сдалась бы. А если бы не сдалась, то наверняка умирала бы потом от угрызений совести, что отказала товарищу.

Он всегда её жалел и за то, что ездит на ней всякий, кому не лень, и за её неразделённые вздыхания к павлину Арсению, который, когда ему надо, бесстыдно пользуется ею, а когда не надо - забывает про девчонку и рассказывает, не

стесняясь её присутствия, про свои ночные подвиги.

Один раз Андрей даже не удержался и прервал его откровения:

- Ты серьёзно считаешь, что тут кому-то интересно, кого и как ты шпилишь? Тебе что, пятнадцать лет?

Арсений тогда стушевался и больше про свои похождения никого не информировал, но к Кате относился по-прежнему скотски: то - «выручи, Солнце!», то - забывал поздороваться.

Иногда Андрею очень хотелось дать ей чисто мужской совет, приободрить или утешить словом, но Катя его почему-то пугалась. Чуть ли не шарахалась, даже после стольких месяцев сосуществования в одном кабинете.

- Сделаешь? Правда? - сразу воспрянула духом Люба. - Спасибо, Андрей! Я в долгу не останусь.

- Показывай уже, что надо, - буркнул он, коря себя за взбунтовавшийся так некстати альтруизм.

- О, сейчас, конечно! Там совсем немного, только циферки кое-какие сверить и подправить. Я просто отчёт за прошлый месяц скопировала, итоговые данные поменяла на свежее, ну и текущие тоже, но что-то там не сошлось... Только, прошу, отправь Старухе отчёт с моего компьютера. Я его специально оставляю включенным. Да ты можешь прямо тут, за мой стол сесть... Ой, а что с пропуском делать? Может, поменяемся? А то там зафиксируется, что я ушла в шесть...

Андрей вновь остро пожалел, что так опрометчиво вы-

звался, но теперь уж идти на попятную было бы несерьёзно.

- Ладно, давай сюда свой пропуск.

Люба, конечно, очень поскромничала насчёт «совсем немного». Андрей убил почти три часа на чёртов отчёт, мысленно ругая Любу, ну и себя заодно.

Одно хорошо - пытался найти он хоть какое-нибудь утешение - пробок не будет, когда наконец поедет домой.

Он открыл аутлук, прицепил файл и даже не стал заморачиваться по поводу сопроводительного сообщения. Отправил директору пустое, без всяких реверансов, главное ведь - вложение. Хотели отчёт - получайте.

Глаза неприятно жгло, как раньше, когда он ночами напролёт пропадал в КС*.

Андрей сомкнул веки, слегка надавил, потёр. Затем, устало выдохнув, откинулся в кресле и запрокинул голову назад. Пару минут даст им отдых, решил, и домой.

Возможно, он неожиданно задремал, потому что вздрогнул от голоса, раздавшегося внезапно и совсем рядом.

- Вы у нас сегодня Люба?

Андрей распахнул глаза и резко выпрямился.

Напротив, у стола, возвышаясь над ним, стояла Елена Эдуардовна. Смотрела чуть насмешливо, с лёгким прищуром.

- Как благородно и как глупо, - хмыкнула она.

Сидеть, когда она нависала над ним, глядя сверху вниз, было как-то неуютно, но и вскакивать словно перепуганный юнец тоже не хотелось. Так что он снова откинулся на спинку кресла, ещё и руки за голову заложил. Пусть не думает себе, что все от неё трепещут.

- Почему же? - с вызовом спросил он. - Помочь коллеге - святое дело.

Елена Эдуардовна переплела руки на груди. Усмешка на ярко-алых губах стала явственнее.

- Ничего святого тут нет. Во-первых, ваша коллега, о которой вы так печётесь, безответственная, неорганизованная особа. Она должна была сдать отчёт ещё вчера. Чем она занималась целый день? Почему тянула до последнего и вместо отчёта подала мне филькину грамоту? Во-вторых, это уже не первый случай. Хотя настолько вопиющий - первый. И последний. Такие работники мне не нужны. Ну а в-третьих, вы, получается, потворствуете чужой лени и участвуете в обмане, в мошенничестве.

Андрей округлил глаза.

- Что ещё придумаете? В каком мошенничестве?!

- Вы от своего имени отчёт отправили? - прищурилась она.

- Да какая разница, с какой почты...

- И, наверное, - она снова ядовито улыбнулась, - вы совершенно случайно поменялись пропусками?

Андрей сжал челюсти. Вот же прицепилась! Какой чёрт

её вообще сюда принёс?

С минуту он сердито молчал, потом вскинулся:

- Допустим. Но не слишком ли это громкое заявление? Мошенничество, между прочим, это уголовная статья. А сделать отчёт за коллегу, у которой, кстати говоря, семейные обстоятельства, как-то не тянет на уголовщину, вам не кажется? И вообще, какая разница, кто сделал? Вам нужен был отчёт, вы его получили. В чём проблема?

- Помимо отчёта мне нужны ответственные работники, на которых можно положиться, кому можно доверять, и это важнее всего. Вы же в курсе, наверное, что кадры решают всё.

Затем она шагнула ближе, встала вплотную к столу, упёрлась в столешницу, широко расставив руки, и слегка наклонилась к нему. Вперилась немигающим взглядом. Так внимательно, будто пыталась в нём что-то высмотреть.

«Красивые глаза», - подумалось вдруг ни к селу ни к городу. Такие вот ему и нравились - большие, миндалевидные, и цвет интересный - тёмно-малахитовый. Даром что достались такой стерве.

Андрей сморгнул и тотчас невольно прилип взглядом к ярким губам, чувственный изгиб которых всё так же кривила усмешка. Еле оторвался, скользнул ниже и угодил в довольно глубокий вырез блузки, где угадывалось самое интересное. К лицу прихлынул жар и в горле пересохло.

Он выдохнул, предательски шумно, и отвёл глаза чуть в

сторону. Какая идиотская ситуация!

Елена Эдуардовна, между тем, проговорила отчётливо и тихо, почти полушёпотом, как будто здесь кроме них ещё кто-то присутствовал и мог подслушать:

- Доверять - ключевое слово. А с этим, увы, проблема. - Затем она убрала руки и выпрямилась. - За вот эту вашу мелкую шалость с пропуском и отчётом объявляю вам выговор. На первый раз - устный. Впредь будьте умнее, Андрей Викторович Батурин.

Он метнул в неё злой взгляд - щёки всё ещё горели, и в груди пекло. Как же она его бесила, самодовольная, высокомерная стерва! И как же, всё-таки, будоражила кровь! Но от этого он злился ещё больше.

Андрей облизнул пересохшие губы и произнёс:

- Оу, вы вдруг моё имя выучили! Уйду сегодня домой счастливым. - Хотелось, конечно, чтобы реплика прозвучала насмешливо, под стать её тону, но нелепая хрипотца в голосе свела на нет все потуги на сарказм.

Она улыбнулась почти мило.

- И отчество, заметьте, и даже фамилию. Вот такая я молодец.

Затем она развернулась и направилась к двери. Выходя, не оглядываясь, небрежно обронила:

- Хороших вам выходных, Андрей Викторович.

Андрей раздражённо уставился ей в спину. Под полупрозрачной тканью блузки просвечивали тонкие бретельки и

плечи, неожиданно женственные и с виду хрупкие. Даже раздражение тотчас угасло. Всё-таки как обманчив её облик!

Потом Андрей перевёл взгляд ниже и удивился ещё больше - вместо привычных туфелек на высоченных шпильках она нацепила кеды, обычные, красные кеды.

Вот почему он не слышал, как она подкралась, понял Андрей. Но всё равно непонятно, с чего ей вдруг вообще взбрело в голову сунуться в их кабинет в столь поздний час?

* КС - Counter-Strike - популярная многопользовательская компьютерная игра в жанре шутера от первого лица.

Елена Эдуардовна не любила пятницы, точнее, она ненавидела выходные. И эта ненависть неизменно омрачала и пятницы, как их преддверие.

Не всегда, конечно, так было. Когда она училась в школе, а затем и в институте, и, главное, когда бабушка, единственный родной человек, была жива-здоровая, она, как и все нормальные люди, ждала субботу и воскресенье и радовалась праздникам.

Хотя себя она никогда к «нормальным людям» не причисляла.

Ещё в детстве мать Елены Эдуардовны, красивая и яркая женщина, сокрушалась, что у всех дети как дети, а у неё, у такой красивой и яркой, дочка - жуть какая страшненькая. С ней и показаться-то на люди стыдно - все пялятся. И приласкать такую страшненькую лишний раз не хочется - неприятно. Ну и помеха, к тому же, - мать отчаянно пыталась построить личную жизнь.

Потом мать всё же вышла замуж и укатила вдвоём с новым супругом в столицу. Звонила иногда.

Любовью маленькую Лену одаривала с лихвой бабушка: и за себя, и за мать-эгоистку, и за непутёвого отца, который вообще неизвестно где сгинул. И твердила, прижимая её к

большому мягкому животу: «Лена, у нас хорошенькая, просто глазик сломан, но мы его обязательно вылечим».

Лена родилась недоношенной, с целым букетом болячек. Что-то потом сгладилось, прошло само, что-то долго лечили. Но главная беда - это сильно-выраженное врождённое косоглазие.

Нужна была операция, нужны были деньги.

Бабушка, конечно, копила, но сильно ли накопишь с мизерной пенсии. В конце концов операцию оплатила мать - дела у её мужа пошли в гору, вот она и расщедрилась.

Однако к тому времени двенадцатилетняя Лена Кострова уже вдоволь нахлебалась от соседских детей и одноклассников. Как её только не дразнили! И снайпером, и соколиным глазом, и уродиной, и просто косой - и это ещё самое безобидное.

В походе с классом (куда она и идти-то не хотела, да учительница настояла), мальчишка, в которого Лена была тайно влюблена, пел под гитару песню Боярского «Рыжий конь». Пел хорошо, не фальшивил, но как только дошёл до строчки «... в лицо мне дышит рыжий конь, косит лиловым глазом», взглянул на неё и прыснул. А следом - и весь класс. Хохотали до слёз, до икоты, а ей хотелось сквозь землю провалиться.

Подобные моменты повторялись нередко. Не смеялся над ней только ленивый. Никому она не нравилась, никто с ней не дружил и даже не общался.

«Привет, косая!» - это разве общение?

Раньше это больно ранило, так, что жить порой не хотелось. Раньше она мечтала дружить с девочками, гулять с мальчиками. Раньше она была наивной душой...

В начальных классах, желая понравиться, Лена приносила конфеты и печенье, что пекла бабушка. Угощение одноклассники сметали влёт, жадно выхватывая друг у друга, а потом орали: «Ты чего, косая, так мало принесла?».

Если кто просил списать - Лена тоже не отказывала, надеясь, что если она поможет, то и её потом обижать не станут. Сколько надеялась - столько и разочаровывалась.

И не их ведь она ненавидела, а себя. Такую неинтересную, такую некрасивую.

На долгожданную операцию шла со страхом. Не боли боялась вовсе, она опасалась - вдруг не получится? Вдруг всё зря? Это же последняя надежда. Если и она не сбудется, как потом жить? Зачем потом жить? Чтобы до самой старости мучиться?

Операция прошла успешно. И глаз восстановился даже быстрее, чем прогнозировали, хотя целую четверть всё же пришлось пропустить. А когда Лена наконец явилась в школу, полная надежды, что всё изменится - теперь-то ведь она нормальная, теперь-то она как все и даже посимпатичнее некоторых, - первое, что услышала от одноклассников: «О! Косая! Ты где потерялась?».

До самого выпускного так она и осталась для всех «косой», отщепенкой, с кем общаться - зазорно, разве только в

насмешку.

До девятого класса Лена отчаянно страдала: нередко прибегала домой после уроков в слезах, выкрикивая: «Не хочу никого видеть!», а сама втайне мечтала, чтобы её признали, чтобы болтали с ней о всяких пустяках на переменах, приглашали на дни рождения, звали гулять. Чтобы было всё как у всех. А потом, после случая на физкультуре - как отрезало.

Тогда одноклассники заперли её в тёмной, без единого окна комнатухе, где хранились маты, мячи и прочий спортивный инвентарь. Заперли и убежали. Она кричала, пинала дверь, выла от страха и отчаяния, но физкультура в тот день была в их классе последним уроком, и выпустила её лишь спустя три часа техничка, которая пришла мыть спортзал. За эти часы в кромешной темноте она едва не тронулась рассудком, не подозревая прежде, что можно так дико, неконтролируемо бояться темноты и замкнутого пространства.

Зато потом, хоть и с трудом, но оправившись от пережитого ужаса, Лена с удивлением поняла, что её больше не трогают чужие издёвки, что своих одноклассников она ничуть не страшится и совершенно не жаждет их признания. Даже странно стало, почему раньше так хотелось завести дружбу с этими глупыми, озлобленными, хвастливыми малолетками.

Она замкнулась и будто окостенела, покрылась крепчайшим хитином, сквозь который ни насмешкам, ни оскорблениям не пробиться.

На одноклассников взирала равнодушно, а уж если кто

особенно допекал - «выпускала коготки». Была в ответ. Была словом, но по самому больному. Ведь у каждого есть уязвимые места, а когда ты постоянно одинок, что ещё делать, как не наблюдать за другими, подмечая чужие слабости?

Открытой и мягкой она бывала лишь дома, с бабушкой.

В институте могла бы, наверное, подружиться с кем-нибудь, но уже и сама не хотела. Люди ей категорически не нравились, за очень редким исключением.

Бабушка, конечно, переживала: «Что ж ты всё время со мной сидишь? В твоём возрасте надо гулять с кавалерами да с подружками».

Лена отмахивалась: «Мне это неинтересно».

С личным тоже как-то не складывалось. Единственный роман, бурный, но короткий, закончился банально и пошло: он оказался женат.

Поэтому весь пыл, всю энергию она направила сначала в учёбу, потом - в работу. Итог - двадцать девять лет и кресло директора филиала. А ещё - полное, удушающе жуткое одиночество.

Восемь месяцев назад бабушку разбил инсульт. Четыре недели комы, четыре недели пустой надежды, и в сентябре бабушки не стало.

Первое время Елена Эдуардовна спасалась только работой, прячась от боли и горьких мыслей в кипучей деятельности. Существовала в каком-то дурмане, в бешеной, непрерывной гонке. И сотрудникам, конечно, закручивала гайки по полной. Чуть что не так - срывалась и устраивала разносы. Изливала на других горе, что клокотало внутри. Только в выходные некуда было деться от гнетущей тоски и раздирающего отчаяния.

С раздражением наблюдала она из окна, как в пятницу вечером уходят с работы бухгалтеры, менеджеры, программисты, экономисты и прочий народ. Кто-то сворачивал на парковку, кто-то резво трусил в сторону остановки, но все неизменно довольные, даже радостные.

В эту пятницу Елена Эдуардовна углядела из окна среди этих радостных и Любу.

В первый миг опешила - вот так наглость! Настолько откровенно игнорировать распоряжение начальства - ну это надо быть совсем безрассудной.

Елена Эдуардовна даже проверила почту - вдруг та чудом

сварганила отчёт за десять минут и быстрее сбежала. Нет, ничего не было.

«Ладно же, побеседуем в понедельник», - пообещала она в мыслях Любе.

Хорошо бы уволить - толку с этой "работницы" не было, нет и вряд ли будет. Но после пары судебных разбирательств с неправомерно уволенными высшее руководство требовало строжайшего соблюдения кодекса. И предписало: если уж увольнять, то по всем правилам, с актами и выговорами.

«Ничего, будут и акты, и выговоры».

Сама она домой не спешила. Оттягивала, как обычно, этот момент до последнего. Благо занять себя всегда найдётся чем. Работа, как Вселенная, бесконечна и необъятна.

Елена Эдуардовна с головой погрузилась в новый инвестиционный проект, совершенно забыв о времени. Нехотя оторвалась, лишь когда нежно пикинуло почтовое оповещение.

Наверняка, подумала она, из Москвы спустили очередную директиву. Про пятичасовую разницу во времени там никогда не помнили. Но сообщение прилетело от Любы, точнее, с её почтового ящика. Вернулась, что ли?

Но стоило открыть сообщение, как стало ясно - не Люба автор, кто-то другой отправил. Потому что письмо было пустое, только в прицепе - отчёт. На этот раз абсолютно правильный, кстати. Но никаких: «Добрый вечер, Елена Эдуардовна. Направляю повторно отчёт...» и так далее. Такое без-

молвие Любе не свойственно.

Елена Эдуардовна вошла в программу, где отслеживалось время прихода-ухода сотрудников. Люба, если верить программе, вообще здание не покидала.

Ни с того ни с сего Елену Эдуардовну вдруг обуяло любопытство: кто же это?

Она выключила компьютер и переобулась в удобные кеды - на каблуках она водить не умела. Смотрелась в красных конверсах она, конечно, не очень презентабельно, а в сочетании с деловым костюмом слегка нелепо, но кто её вечерами видел, кроме полусонной охраны?

Она шустро, по-девчоночьи, спустилась на третий этаж. Ни звука, ни шороха, и не скажешь, что три часа назад контора напоминала муравейник.

Кабинет отдела рекламы и маркетинга ожидаемо оказался не заперт. Но вот увидеть там, за Любиным столом, Батурина она никак не ожидала. И даже не столько потому, что не походил он на тех, на кого можно свалить свою работу. А потому, что такие отчёты ему просто не по зубам - так ей казалось. Батурин представлялся ей таким туповатым хамом. Ещё и блатным в довесок. Потому и позволял себе то, о чём остальные и помыслить не смели. Например, как-то даже ответил ей грубо.

Тогда это показалось настолько вопиющим, что Елена Эдуардовна не поленилась поднять его личное дело, ну и так кое-какие справки навела. Узнала, кто он и откуда, и удиви-

лась - каким ветром его сюда занесло? И как его вообще приняли? Без опыта, хотя бы мало-мальского, без образования нужного?

В общем-то, подбором кадров Елена Эдуардовна последнее время редко занималась лично, отдав это на откуп директору по персоналу. Прежде тот не подводил - и вдруг на тебе. Футболист! Но затем выяснилось, что этого Батурина приняли распоряжением сверху, совсем сверху. Сразу понятно - связи. И это отвратило ещё больше. Она-то ведь добилась всего сама, без чужой помощи, с нуля. А потому кумовство, «ты - мне, я - тебе» и всё такое прочее презирала всей душой.

Можно было, конечно, встать в позу. Создать такие условия, чтобы наглец Батурин сбежал сам. Но решила - не стоит. К чему ей, директору, эта мышьяная возня? Подумаешь - сидит там где-то качок с одной извилиной, ну и пусть сидит. Его не видно и не слышно.

Но по поводу одной извилины она явно оказалась права. Отчёт-то он сделал правильно, тогда как опытная Люба налепила ошибок. И вообще, вёл себя с ней совсем не так, как остальные. Не трепетал, не лебезил, не угодничал.

А ещё она старалась не думать о том, как он смотрел на неё. Этот его взгляд шёл вразрез с его словами, со всей этой ситуацией. Неважно, что он там говорил, но смотрел он на неё так, как никто не смотрел.

Елена Эдуардовна и сама не могла понять, почему мыслями всё время возвращалась к этому коротенькому эпизоду.

Ведь ровным счётом ничего не произошло. Однако несколько раз за выходные ловила себя на том, что прокручивает эти несколько минут в голове: вспоминает его голос, почти как наяву снова видит тяжёлый взгляд тёмных глаз, и против воли ощущает в груди волнение, да ещё и улыбается чему-то. Глупость какая.

В понедельник утром Елена Эдуардовна, въезжая на парковку, с удивлением обнаружила, что сегодня она не первая. Кто-то на белом спортивном опеле уже опередил её.

Припарковавшись, она вновь с интересом посмотрела на родстер, гадая: «Ну и кто у нас такой жаворонок?».

Хозяин опеля, согнувшись пополам, что-то искал в салоне. Затем выпрямился, захлопнул дверь и обернулся. Батурин. Надо же!

Их взгляды скрестились, её - сначала любопытный, затем удивлённый, а спустя несколько секунд уже привычно насмешливый; его - сначала чуть растерянный, а потом... оценивающий, пристальный. Очень мужской такой взгляд, от которого в животе слегка щекотно.

Затем Батурин нахмурился и отвернулся.

- Доброе утро, Андрей Викторович, - любезно поздоровалась она.

- Доброе утро, - ответил он без особой радости.

До центрального входа, а это добрых триста метров, они шли рядышком. Он шагал молча - сама серьёзность и сосредоточенность. А она искоса поглядывала на него всё с тем же любопытством.

Интересный он тип, рассуждала она про себя, удивляясь.

После такого яркого прошлого податься в незаметные клерки. Сменить незаурядную, насыщенную жизнь на беспроблемную рутину. Хотя с его связями он может и тут взлететь со временем, но всё равно на таком поприще ни оваций, ни бешеных гонораров, ни народной любви ему не снискать. Может, ему оно и не надо? А что надо тогда? Да, была травма. Но вот так посмотреть - он даже и не хромает.

В футболе Елена Эдуардовна абсолютно не разбиралась. Весь её спортивный интерес ограничивался степпером да эллипсоидом, ну и редкими вылазками в бассейн. Но в эти выходные она перечитала по теме уйму статей в интернете и заинтересовалась своим новым сотрудником ещё больше. Хотя о нём удалось найти не так уж много сведений, да и то, что нашлось - материал довольно старый.

И тем не менее кое-какое представление сложилось. Сейчас ему двадцать восемь, хорош собой, небеден, вкусил успех, но при этом ни капли фанаберии. Не задаётся, не важничает, простой такой, как парень из соседнего подъезда. Даже вон клушам из своего отдела помогает.

- А вот вы в пятницу сказали, - вдруг прервал он молчание, - что Любе это с рук не сойдёт. Ну... то, что я отчёт за неё сделал. Сказали, что этот её косяк был последний. Вы уволить её хотите?

Елена Эдуардовна неожиданно для самой себя испытала лёгкое раздражение.

- Есть такая мысль, - холодно ответила она.

- Ваше право, конечно, но... это же мелочь. Разве за такое увольняют? У неё возникли неотложные семейные обстоятельства, такое с каждым может случиться. Она не могла остаться и доделать. Поэтому я и вызвался. Хотел выручить, а, получается, подвёл.

Нашёл кого жалеть, хмыкнула она про себя.

Эта Люба - та ещё штучка. Уж она бы за него не просила, да и вообще ни за кого. Впрочем, и помогать кому-то тоже не стала бы. Однако, как бы Люба ни раздражала, её мотивы были Елене Эдуардовне понятнее, чем его.

- Она сама себя подвела, - сухо молвила она. - И вообще, не пойму, вам-то что за дело? Уволю Любу, глядишь, вы вместо неё станете старшим специалистом.

Батурин не ответил, лишь впился в неё взглядом, в котором читалось недоумение и явственная неприязнь.

Елена Эдуардовна вдруг почувствовала, как к щекам прихлынула кровь. Стало до жути неловко, словно она ляпнула что-то дурное и обидное. Захотелось по-детски оправдаться, мол, пошутила. Еле удержалась, приказав себе не сходить с ума. Не хватало ещё перед подчинёнными унижаться.

Она гордо прошествовала в здание, стараясь даже не смотреть в сторону Батурина и не обращать внимание на эту дурацкую неловкость.

Но... самое странное, что это чувство никак не проходило. Она отвела планёрку, отчитала Любу - обошлась, между прочим, лишь словесной поркой, хотя накануне планировала

составить акт и лишить премиальных, затем провела важные переговоры, да и вообще кучу дел переделала, но этот взгляд, полный неприязни, никак не давал покоя, зудел и портил настроение. И не просто портил, а угнетал.

Елена Эдуардовна чувствовала - Батурина она не нравится. То есть как женщина, может, и нравится, даже наверняка нравится - и в пятницу вечером, и утром на парковке вон как пожирал глазами. Но как человек она ему неприятна, если не сказать хуже. И это отчего-то очень её расстраивало.

«Ну не плевать ли? - говорила она себе. - Ведь кто он? Всего лишь подчинённый. Они все меня не любят, а некоторые даже ненавидят. Никогда это не трогало и не волновало, а сейчас-то вдруг с чего так распереживалась? Почему так не хочется, чтобы именно он считал меня гадиной?».

Ответа Елена Эдуардовна не знала.

Во вторник из головного офиса прилетело распоряжение: на грядущем экономическом форуме в Новосибирске представить новый проект - создание жилого микрорайона с развитой инфраструктурой.

Проект был ещё в разработке, как раз решался вопрос о выделении земельного участка, да всё никак не мог решиться.

- Внимание общественности к проекту, - вещал по телефону генеральный, - поможет быстрее решить проблему с землёй и не только. И, вероятно, привлечёт новых инвесторов. Только презентация должна быть яркой, не банальной, чем-то выделяющейся на фоне других. Придумайте что-нибудь этакое. Нам очень нужен интерес прессы!

«Этакое, яркое, выделяющееся» - легко сказать, когда до форума осталось меньше двух недель.

Нет, с технической стороны - там комар носа не подточит, а вот над презентацией надо будет поразмыслить.

Елена Эдуардовна подошла к окну, подняла жалюзи.

Апрель нынче радовал - тёплый, солнечный, без всяких сюрпризов в виде внезапного снега. А всё равно настроение унылое.

Она посмотрела на парковку. Белый опель на месте. Ну и

зачем она проверяет? Хватит того, что она с подачи Батурина Любу помиловала.

Она, вздохнув, в смятении отвернулась, потом снова резко взглянула вниз.

А это ведь идея! Пусть проект на форуме представит он. Точнее, они представят проект вместе.

Одно лишь его присутствие уже сделает презентацию «не банальной» и «выделяющейся».

Тем более, по плану, среди прочих объектов там будет и спортивный комплекс - можно это как-то красиво сплести. Это ей футбол до лампочки, а его здесь ещё многие помнят...

Правда, не очень-то Батурин разговорчив, но и косноязычием вроде не страдает. Несколько фраз произнесёт, покрасуется и готово.

Елена Эдуардовна загорелась. А ещё разволновалась от мысли, что в командировку они полетят вместе... Но это, правда, лишнее. Это ведь только работа. Всё ради дела. Однако от этой перспективы даже хандру как рукой сняло.

Надо, конечно, поднатаскать его за эти дни, чтобы в тему вник.

Про форум Елена Эдуардовна Батурина пока решила не говорить. Стоило сначала понять - справится ли. Вдруг она его переоценила?

Без особых объяснений напрямую скидывала ему по по-

что бесчисленные файлы с краткими указаниями: изучить, отработать, составить план, вопросы, решения...

Конечно, для непосвящённого объём был великоват, но и времени оставалось в обрез.

Всякий раз он присылал уже готовое задание, отписываясь сухо: исполнено.

Может, она выдумывала, конечно, но в этом единственном слове так и чувствовался сгусток жуткой антипатии.

Это расстраивало, злило, обескураживало. И даже ранило.

Батурину-то за что её ненавидеть? Что она плохого лично ему сделала? С ним она вообще сама любезность. Ни разу не прикрикнула, не отчитала. Даже тогда, в пятницу, всего лишь слегка укорила. Ну так имеет право!

В четверг вечером они столкнулись в холле, на проходной. Рабочий день давно закончился, контора опустела, лишь за стойкой охраны приглушённо стрекотал телевизор.

Елена Эдуардовна поймала себя на том, что рада видеть Батурина, даже его мрачной физиономии рада.

Хотя радость - не совсем верное слово. Возникло странное ощущение, будто до этого момента ей постоянно чего-то не хватало, оттого на душе было томительно и маетно. А теперь вот - хорошо. Ведь несмотря на плотное общение по электронной почте, она его не видела с понедельника. Опель - видела, а его самого - нет.

Она даже не сумела удержать улыбку. Правда, тотчас спохватилась и завуалировала её под привычную усмешку.

- Что-то вы снова припозднились, Андрей Викторович. Неужто дома никто не ждёт? Или опять помогали кому-нибудь?

Юмор Батурин не оценил, придавил её своим пудовым взглядом так, что в груди всё сжалось, и ничего не ответил.

До стоянки опять шли рядом, но, увы, не вместе. Он молчал и хмурился. Она тоже помалкивала - не навязываться же самой. Но лучше бы говорили, потому что так почему-то возникало странное, но острое, почти осязаемое чувство нелов-

кости.

Словно услышав её мысли, Батурин вдруг спросил:

- Специально меня работой завалили?

- Конечно, - разулыбалась Елена Эдуардовна. - Подумала - человеку работы не хватает, за других аж работает, надо ему...

Батурин повернулся, посмотрел так, что жаром окатило, так, что фраза так и осталась висеть в воздухе незаконченной, потому что мысли все разом вылетели. Буквально оглушил её этим взглядом и уверенно двинулся дальше. А она на миг застыла, перевела дух и поспешила следом.

А потом... чёртов каблук, даром, что низенький, неожиданно угодил в щель между плитками, и нога подвернулась.

Елена Эдуардовна неуклюже взмахнула руками, охнула и к своему ужасу грохнулась на асфальт. Колено тут же опалило болью.

Батурин оглянулся, подскочил, помог подняться.

- Как вы? Больно?

Она кивнула, закусив нижнюю губу. Чёрные колготки на колене разорвались, ещё и кожу ободрало.

Больно было. А ещё досадно и ужасно стыдно. Вот зачем она так вырядилась? Решила покрасоваться? Надела бы, как обычно, кеды, но нет, захотелось выглядеть поизящнее - туфли, юбочка короткая...

Да уж, получилось и впрямь изящнее некуда - растянулась как корова на льду. Ещё и перед ним!

- Наступать можете? Держитесь за меня.

Он закинул её руку себе на плечо, сам обхватил за талию и медленно повёл к машине. Рука у него была крепкая и горячая. Невыносимо горячая. Обжигающая! Так, что даже про боль в разбитой коленке забылось.

Он помог ей сесть в машину, а потом вдруг предложил:

- Повернитесь боком, я осматрю ногу.

Елена Эдуардовна опешила и даже забыла от удивления отказаться. Послушно скинула туфельку и села полубоком. Он присел на корточки и с самым серьёзным видом ощупал лодыжку:

- Так больно? А так?

- Нет, болит только колено и то уже меньше... А вы в этом разбираетесь?

- Ну, я не врач, но с травмами ног приходилось иметь дело. А колено обработать надо...

Он так и не выпускал её лодыжку, а она не убирала ногу. Пальцы его сквозь капрон прижигали кожу. По телу разливалось тепло, а лицо и вовсе рдело, как у неискушённой юной девы.

Взгляд его скользнул выше колена, медленно огладил бедро, и тотчас переменялся, будто подёрнулся поволокой.

Елена Эдуардовна смутилась, хотела одёрнуть юбку или чем-нибудь прикрыться, но почему-то замерла.

Его пальцы нежно, почти невесомо прочертили дорожку вдоль щиколотки.

Батурин поднял на неё глаза, горящие и чёрные. Обвёл взглядом изгиб шеи - и дыхание перехватило. Остановился на губах - и губы тотчас пересохли.

Затем он выдохнул и... будто сбросил морок.

В лице его почему-то проступила злость. Он убрал руки, выпрямился в полный рост, бросил:

- Извините.

И не прощаясь, двинулся к своему опелю.

Елена Эдуардовна наблюдала, как Батурин выехал с парковки, как вывернул на проезжую часть, как скрылся за поворотом, и никак не могла успокоиться. Кожа до сих пор горела от его прикосновений и нескромного взгляда, и внутри всё растревожено гудело. А разум отказывался понимать, что сейчас произошло.

- Мамуля внуков, видать, не дождётся, - отхлёбывая пиво прямо из горлышка, резюмировала Ника. - Тебе двадцать восемь...

- А ты у нас на что? - спросил Андрей и тоже сделал большой глоток Хугардена. - Тебе вон тридцать два скоро, тем более пора поторопиться.

Они третий час торчали на крыше, совсем как в юности. Пили пиво, говорили о том о сём, наслаждались спокойствием и созерцали предзакатный город.

- Чурбан ты неотёсанный. Женщинам, чтоб ты знал, про возраст напоминать бестактно. И потом, мамуле внуков от тебя хочется, ты же у нас любимый сын. А я так... - Ника констатировала это как факт, без обиды.

Все обиды по поводу, кого из них родители больше любят, остались в далёком детстве.

Андрей посмотрел на сестру слегка захмелевшим взглядом:

- Ну вот опять ты начинаешь. Любимый сын, нелюбимая дочь. Глупости всё это.

- Не глупости, так оно и есть! И ты, Андрюшка, тоже не заводи свою песню, что любят нас одинаково. Не так это, и я уже давно смирилась. Честно, мне плевать. И я, кстати, тоже

хотела бы племянничков потискать.

- Рожай своих и тискай сколько влезет.

- О, нет! Пелёнки - это не для меня, ты же знаешь. И потом, какая из меня мать с моей-то работой?

Ника работала археологом и постоянно колесила по стране. Но работу свою не просто любила, а видела в ней единственный смысл жизни. И пресловутый семейный очаг никак не мог в её понимании соперничать с возможностью откопать какой-нибудь древнейший артефакт.

Иногда, вот как сегодня, Ника навевывалась в родительский дом. Без всякого предупреждения. Раз - и нагрянет. Когда - на день, а когда - и на пару недель.

В детстве они с Никой не особо ладили. Да чего уж там - отчаянно враждовали. Даже дрались. Потом наоборот подружились.

Коротко стриженная, жилистая, без грамма косметики, в извечной штормовке и брюках-карго, она походила на пацана. Да и замашки у неё совсем не женские - ни кокетства, ни притворства, что на уме, то и на языке. Вроде не обидчивая, но запросто может и высказаться нелитературно, и даже хорошенько навалить, если надо.

- А как тебе твоя работа?

Андрей неопределённо пожал плечами.

- Андрей, ну это же бред - тухнуть в офисе. Мало ли что там отец с матерью говорят. Их взгляды давно устарели. Но ты-то сам... Мож, лучше к нам, а? Слушай, серьёзно, давай

с нами?

- С моей ногой только по горам и шастать.

- Мы по горам не шастаем! Ты хоть малейшее понятие имеешь, чем заняты археологи? Да ты хоть представляешь себе, какой это кайф, когда находишь...

Дальше можно было смело отключаться и уходить в собственные мысли, потому что в такие моменты Нику не переслушаешь. Она могла вдохновенно вещать о своих раскопках не один час подряд, ничуть не беспокоясь, интересно ли это кому-то кроме неё или нет. Но тут и минуты не прошло, как сестра чувствительно ткнула его локтем в бок.

- Ну, давай! Колись!

- Насчёт чего? - не понял Андрей.

- Закрутил там с кем-то наверняка. Ведь так? Я же вижу.

Витаешь вон в облаках весь вечер.

- Ничего ты не видишь, - буркнул он. - Не с кем там крутить.

- Как так? Женщин нет? Или никто не нравится? Или после своей Лилечки ты всех женщин в продажные стервы записал?

Лилю она зря припомнила. Лиля тут совершенно ни при чём. Он забыл о ней давно.

- Не всех, - Андрей приобнял сестру за плечи. - А если честно, то сам не пойму, почему так получается: если женщина красивая, то она реально стерва. Причём такая, что придушить порой хочется, ну или хотя бы послать. Бывает

аж еле держишься - так она бесит! А если женщина... или девушка хорошая, ну нормальная, без всяких там тупых взбрыков, то...

- Страшененькая? - догадалась Ника.

- Ну не страшененькая. Ну такая, короче...

- Ясно, - многозначительно хмыкнула Ника и, хитро уставившись на него, спросила: - Ну и кто у нас стерва?

Вместо ответа Андрей приник к бутылке. Отхлебнул изрядно, затем скосил глаза на сестру:

- Слишком уж ты любопытная.

- А то!

- Начальница наша знатная стерва, - наконец сообщил он.
- Хотя красивая, да... Глаза такие, ну и вообще... Но характер сволочной просто!

- Ну так поставь её на место. Или боишься, что уволит?

- Да плевать, пусть увольняет. Но я бы ещё с тётками не скандалил.

- А зачем скандалить? Обуздай, укроти, приручи. Говорят, стервы в постели - ух! Да что я тебе рассказываю! К тому же, по моим наблюдениям, тебя с юности как раз на стерв всегда и тянуло.

- Не-е-е, там без вариантов. Я о ней в таком ключе даже не думаю, и вообще, как женщину не воспринимаю, - заявил он слишком категорично, чувствуя, как кровь горячо прихлынула к лицу. И про себя подумал - кому он врёт?

Да, Елена Эдуардовна с её надменностью бесит его без-

мерно. Одна эта извечная усмешка чего стоит! Так и хочется прихватить за затылок, впиться в губы, грубо, не щадя, и стереть проклятую усмешку.

А про инцидент на стоянке он вообще запрещал себе думать, хотя, стоило признать, ножки у неё роскошные. Но всё равно реакция была неоправданная. Вообще, идиотская. Просто у него давно никого не было.

Сначала бывшая, Лиля, которая бросила его сразу, как узнала, что в футбол он не вернётся, отбила желание завести отношения так, что после неё Андрей довольствовался лишь клубными знакомствами и случайными девушками на раз. Ну а теперь вот работа съедала всё время и всю энергию, и в выходные куда-то идти, кого-то искать, цеплять, просто не тянуло. Выспаться бы.

Они проболтали с Никой до вечера, пока совсем зябко не стало. Спустились домой, но тут ей ударило в голову мчаться к какому-то давнему другу.

- Андрей, поедem! Тебе понравится, он такой чудик! С ним весело. Да ты его помнить должен. Когда-то давно мы уже к нему ездили. Тебе тогда сколько...? Лет семнадцать было? Круто же оторвались.

- Угу, кто-то оторвался, а кто-то без памяти проспал весь отрыв.

- А силы свои надо было рассчитывать, - хохотнула Ника.
- Но сейчас ведь ты уже закалённый боец. Меня вон как с пива плющит, а ты прям огурчик. Ну поехали? Чего дома-то киснуть в субботу вечером? Ты и так, как сыч, всё время с родителями сидишь.

- Знаешь, когда каждый день встаёшь в полшестого утра и до вечера торчишь на работе, посидеть дома очень даже в радость.

- Завтра посидишь, а сегодня поехали.

Ехать никуда не хотелось. Хотелось и правда просто быть дома и вообще ничего не делать. Или заниматься чем-то тупым и расслабляющим. Рубиться в КС или валяться на мягком диване и смотреть что-нибудь ненавязчивое по тв.

Минувшая неделя выдалась на редкость тяжёлой и нерво-трёпной. Каждый день задерживался допоздна.

Чёртова директриса грузила его персональными заданиями по полной программе, заявив, что раз он помогает другим, значит, своей работы у него мало. Понятно, что делала это намеренно, в наказание, мол, вылез - получай, чтоб впредь не повадно было.

Знала бы она, каких зверских усилий ему стоит держать себя в руках, знала бы, как яростно от её выходок, слов, усмешек клокочет у него внутри, знала бы, что его терпение уже совсем на исходе, не нагнела бы так, поостереглась...

- Андрей, ну? - не отступала Ника. - Ради меня?

- Ладно, - сдался Андрей.

Нику, если уж она куда рвётся, и цепями не удержишь.

Родители тоже всполошились, охали, уговаривали, сердились - как об стену горох. И через полчаса они уже были в малознакомом спальном районе в другом конце города. Таксист высадил их возле обычной панельной пятиэтажки.

Ника по-птичьи повертела головой, будто пытаясь сообразить, куда идти дальше. Метрах в двухстах приветливо желтели в ночи квадратные окна супермаркета и мерцала неоновая вывеска «Удача».

- Слушай, как-то не по-людски идти в гости с пустыми руками, а? Заскочим в магазин? Прикупим что-нибудь к столу?

Андрей флегматично пожал плечами и направился в сторону супермаркета.

- Водку купим и поесть что-нибудь, да? - щебетала Ника.
- Как скажешь.

Они бодро обошли стеллажи, загрузили тележку и двинулись к кассе, где, несмотря на довольно поздний час, выстроилась немаленькая очередь.

- Да что там такое? - проворчала Ника. - Застрял, что ли, кто? Второго бы тогда уж кассира позвали.

Андрей подавил зевок и прикрыл веки. Какого чёрта он попёрся? Спать хотелось невыносимо.

- Вы очередь задерживаете! Давайте уже быстрее! - кому-то раздражённо сказала кассирша.

- Сейчас, доча... Мне тут не хватает двенадцать рублей. Можно я завтра занесу?

- Вы совсем уже?! - возмутилась девушка на кассе. - Ишь придумали!

- Андрей, - ткнула его Ника, - есть мелочь?

- У меня карта, - сонно пробормотал он.

- Вы что себе позволяете? - раздался вдруг ледяной и до боли знакомый голос. - Вы почему так с пожилым человеком разговариваете? Маме своей и бабушке вы тоже хамите?

Сонливость сразу как рукой сняло. Андрей шагнул в сторону - точно, она, Елена Эдуардовна. Стояла в начале очереди, у самой кассы, сразу за какой-то сухонькой старушкой, той, у которой не хватало двенадцати рублей.

Выглядела его начальница совсем иначе, чем обычно. Волосы собраны в слегка небрежный хвост, вместо строгого ко-

стюма - голубые джинсы и ярко-красная толстовка с капюшоном. Немудрено, что он её не заметил.

- Бабушка, уберите деньги, - теперь её голос звучал непривычно мягко. - А вы, - и снова в голосе колючий лёд, - посчитайте всё это мне.

Девушка-кассир молча пробила и буркнула обиженно:

- Семьсот двадцать.

- Пакет посчитайте или мне в карманах, по-вашему, всё нести?

Девушка взглянула на неё исподлобья, достала снизу жёлтый фирменный пакет и расторопно сложила в него покупки.

- Семьсот двадцать пять.

Елена Эдуардовна взирала на неё свысока, с холодным равнодушием. Молча расплатилась картой, подхватила пакет и царственной походкой направилась к раздвижным дверям, где её поджидала старушка.

- Спасибо тебе, доча. Дай бог тебе здоровья!

- Ой, да что вы, перестаньте, какие пустяки! Давайте лучше свою авоську. Пойдёмте я вас до дома подвезу.

- Андрей, - Ника потрясла его за рукав, - ты чего заморозился? Что, дамочка, понравилась?

- Да нет, - пробормотал слегка ошарашенный Андрей. - Я её просто знаю.

- Кто такая?

- Да так... с работы.

Дружок Ники, бородатый, растрёпанный мужик, и впрямь гостям очень обрадовался. Облапал Нику, пожал руку Андрею, втолкнул обоих в тесную кухоньку, живо соорудил на стол.

Ника и её бородач увлечённо вспоминали дела минувших дней, а Андрей постоянно выпадал из разговора, то и дело возвращаясь мыслями к коротенькому происшествию в магазине. Ну никак он не ожидал, что в такой циничной и бесчувственной стерве вдруг обнаружится что-то человеческое. И ведь это не напоказ было, она и правда бабульку пожалела, говорила с ней так ласково, сумку вызвалась нести... В голове не укладывалось.

В понедельник Андрей опоздал на работу. Банально проспал после бурных выходных и чрезмерных возлияний - с Никой иначе не бывает. Она и в воскресенье не дала ему продыху.

Опоздал на час с лишним.

- Что-то случилось? - спросила Дина Шигибаева.

- Да ничего такого. Просто будильник не услышал, - сказал, как есть, Андрей.

Коллеги в отделе посмотрели на него так, будто он отчебучил немыслимое.

- Ну всё, жди репрессий, - предупредил Арсений.

- Да, Старуха всегда проверяет, кто во сколько приходит и уходит, и за опоздания дрючит лично, - подтвердила Дина и сочувственно вздохнула.

Люба и Катя промолчали.

Катя - вообще редко вступала в разговоры. А Люба - обижалась на то, что ей таки влетело за вскрывшуюся хитрость с отчётом и пропуском. Прямо высказать ему упрёк она не осмеливалась, но лицом обиду выразительно показывала.

Правда, Андрей не обращал внимания. Он и сейчас равнодушно пожал плечами.

По электронке ему вновь сыпались задания напрямую от

директора. И рабочий день опять обещал растянуться до бесконечности.

Было бы ещё что-нибудь интересное, а то сметы, сводки, геодезические вычисления и прочая муть, в которой чёрт ногу сломит. Приходилось перерывать кучу материала, чтобы понять хотя бы общий смысл.

Как и всю прошлую неделю, он снова уходил домой самый последний, так что своё опоздание отработал с лихвой. Хотя нет, предпоследний.

Она ещё оставалась. Но это её проблемы, а его такая жизнь уже достала до не могу. Решил, что если так будет длиться и дальше, то он попросту пошлёт начальницу вместе с её заданиями ко всем чертям.

Во вторник перед самым обедом Елена Эдуардовна вызвала Андрея к себе.

- Ну вот, - прокомментировал Арсений, - готовь вазелин. По-любому, Старуха тебя за вчерашнее опоздание видеть возжелала.

- Андрей, вы с ней только не спорьте, - посоветовала Дина Шигибаева, - а то хуже будет. Мимо ушей пропускайте её слова и всё. Глядишь, и обойдётся.

- Да ладно вам, - отмахнулся Андрей, - не так страшен чёрт, как его малюют.

- Ну-ну, - не удержавшись, хмыкнула Люба. - Посмотрю я на вас, когда от неё вернётесь.

Едва Андрей поднялся в приёмную, Валентина Михай-

ловна, секретарь, дама предпенсионного возраста, чопорная и строгая, подняла трубку внутреннего телефона и сообщила важно:

- Елена Эдуардовна, к вам Батурин.

И лишь затем милостиво кивнула:

- Проходите.

Андрей вошёл в кабинет директора, мысленно готовый к жёсткому словесному поединку - кем бы она ни являлась, что бы о себе ни думала, но он не позволит обращаться с собой, как с челядью.

Елена Эдуардовна восседала в белом кожаном кресле, словно на троне.

Жалюзи на огромном, во всю стену, окне за её спиной были приспущены, но яркое апрельское солнце сочилось между ламелей, щедро заливая слепящим светом просторный кабинет. Оттого она оставалась как будто в тени - ни лица, ни глаз не разглядеть, один лишь силуэт чётко вырисовывался на светлом фоне. Не слишком комфортно - сам-то он весь на виду.

Она перебирала какие-то бумаги, затем небрежным, но при этом полным изящества жестом указала на один из стульев, окружавших приставной массивный стол тёмного дерева. За ним, наверняка, проходили известные на всю контору планёрки и совещания.

Андрей предпочёл устроиться на крайнем стуле, подальше от неё. Сел вальяжно и выжидающе уставился на неё, но она не торопилась начинать беседу - ещё какое-то время продолжала читать свои бумажки.

Андрей огляделся - в директорском кабинете он находился впервые. И даже не верилось, что это и есть то самое место, которого до икоты боятся коллеги. Вполне уютный, насколько, конечно, может быть уютным казённое помещение

с белыми, как в больнице, стенами. Впрочем, эту белизну слегка оживляли эстампы с видами городов мира и двухметровый фикус Бенджамина в углу.

Наконец Елена Эдуардовна оторвалась от своих бумаг и посмотрела на Батурина - её взгляд он не увидел, а почувствовал и тотчас подобрался, сменив расслабленную позу на более подходящую его боевому настрою. Ощущение возникло такое, будто внутри сорван предохранитель, взведён курок и всё замерло в ожидании.

Елена Эдуардовна отложила бумаги в сторону, но один листок протянула ему.

- Ознакомьтесь, Андрей Викторович.

Несколько секунд он не двигался, пытаясь взглянуть в тёмный силуэт и понять, ну хотя бы по тону, её намерения. А говорила она на удивление миролюбиво, даже без насмешливых ноток.

Тогда он неспешно поднялся, подошёл к директорскому столу и наконец увидел её лицо. Странное какое-то выражение, точнее, непривычное. На миг ему даже показалось, что она волнуется. Не нервничает, как обычно нервничают, когда что-то не так, а именно волнуется, как-то совсем по-девчоночьи, даже щёки порозовели.

Бумагу он взял, но при этом не сводил с неё пристального взгляда. Румянец проступил ещё ярче. И глаза она опустила, не выдержав. Ну и дела!

Андрей сел теперь уже на ближайший стул и наконец

взглянул, что за бумагу она ему подсунула.

Приказ, подписанный директором.

«Неужто и правда о взыскании?», - мелькнула мысль.

Но нет, его отправляли в командировку, в Новосибирск, на какой-то экономический форум. Зачем? Что он там будет делать? И вообще, почему отправляют его, когда он и года здесь не работает?

Очевидно, заметив недоумение в его лице, Елена Эдуардовна пояснила:

- Это очень важный форум и, вообще, престижное мероприятие. Хотя дело тут не в престиже. Из головного офиса пришло распоряжение, что мы обязательно должны принять участие и представить проект, который готовили последние несколько месяцев, - она как-то сразу перестала волноваться и заговорила уверенно. - От того, как мы его представим, зависит многое. Например, приток инвестиций, лояльность чиновников, спрос потенциальных покупателей и тому подобное. Я понимаю, для вас эти нюансы малоинтересны, но, в конечном счете, успех проекта напрямую скажется на каждом из нас. И речь не только о премиальных. Например, в головном офисе уже не первый раз поднимают вопрос о сокращении штата в регионах. Более того, в Чите уже полным ходом сокращают места. Наш филиал пока на плаву, но если не будет хорошего проекта, требующего значительных ресурсов, в том числе кадровых, мы тоже в скором времени попадём под раздачу. Вот такая ситуация. Теперь о проекте.

Вы его изучали всю минувшую неделю. Судя по вашим ответам, вы сумели верно ухватить самую суть. И ваши мысли и предложения мне понравились. Собственно, поэтому я и утвердилась в решении, что на форум вы поедите со мной.

Андрей округлил глаза и, опешив, не нашёлся, что сказать, а пока собирался с мыслями, она продолжила.

- Я понимаю ваше удивление. Вы тут человек достаточно новый, но главное, как вы себя проявили. А проявили вы себя ответственным работником, который, к тому же, не дурак.

- Это комплимент такой? - выдавил Андрей, криво улыбувшись.

Теперь, видимо, настала её очередь удивляться. Воззрившись на него так, будто он ляпнул какую-то бессмыслицу, она сообщила:

- Я никогда не говорю комплиментов. Я говорю то, что думаю, и то, что вижу. Но давайте вернёмся к главному. Итак, проект. Мы его представим, конечно же, в другом виде. У нас есть отснятый материал, и я уже поручила смонтировать ролик. Думаю, завтра он будет готов. С видео всё ясно. Там от нас ничего не потребуется. Включим и покажем во время пресс-конференции. Но будут ещё и слайды с основными тезисами. Вот там необходимо наше прямое участие. Нам могут задавать вопросы, и тут главное не плавать. Отвечать уверенно, даже когда сомневаешься.

Она ещё битый час распинаясь насчёт проекта, форума, пресс-конференции и ни разу не удосужилась хотя бы поин-

тересоваться, а согласен ли он куда-то ехать, где-то выступать.

А он, вообще-то, не согласен. Ораторствовать - совершенно не его стихия. Привлекать, прибалтывать, навязывать - тем более. К тому же он в этом проекте, как она сама выразилась, очень даже плавал. Так что какой с него мог быть толк?

Наконец, когда Елена Эдуардовна изложила все мысли, Андрей честно спросил:

- А я могу отказаться?

Она обескураженно замолкла, сморгнула.

Воцарилась пауза. Андрей ждал ответа, а она попросту растерялась. Потом пробормотала:

- Ну, в принципе, я не могу, конечно, вас заставить ехать силой, но необоснованный отказ от командировки это... нарушение трудовой дисциплины, равноценное, допустим, прогулу. Или у вас на то есть уважительная причина?

Мог ведь соврать что-нибудь, но от неожиданности сказал правду:

- Я просто не хочу никуда ехать.

- Вы сами должны знать, что это несерьёзно. Мы на работе делаем то, что должны, а не то, что хочется, - с нотками обиды произнесла она, потом, помолчав, удручённо добавила: - Но я не понимаю... почему?

Андрей вздохнул. Ну как сказать, что форум, который и сам по себе не особо его интересует, здесь даже ни при чём, что, прежде всего, он не хочет никуда ехать именно с ней?

Терпеть эту несносную почти неделю? Он и так-то крепится из последних сил.

Рядом с ней он, уже, видать, по инерции, постоянно на взводе, постоянно в каком-то диком напряжении. От одного взгляда на неё внутри вибрирует.

Это выматывает, это бесит, это выбивает почву из-под ног. А тут почти неделя! Да он с ума сойдёт, либо в конце концов сорвётся...

И в то же время, глядя на неё, он испытал что-то вроде неловкости за свою категоричность. Она была так явно расстроена... не просто уязвлена или рассержена, а именно расстроена, и даже не пыталась это скрыть. И выказав вдруг неожиданную слабость, она, сама того не подозревая, надлюмила его.

- Дело в том, - помешкав, заговорил он мягче. - Ко мне близкий человек приехал. Мы видимся раз в год, если не реже. И всю минувшую неделю я приходил с работы почти ночью, вы же меня нагрузили по полной... Мы толком даже не пообщались, а через несколько дней она уедет...

- Понятно, - вымолвила после долгой паузы Елена Эдуардовна. - Я подумаю... Идите, Андрей Викторович.

Легко отделался - была первая мысль, когда Андрей покинул кабинет директора. Только вот на душе почему-то лёгкости никакой не было. Наоборот, непонятно откуда взялось ноющее чувство, определить которое он не мог. И отогнать тоже.

- Ну что, живы? - спросил Арсений, когда Андрей вернулся в свой отдел.

- Сильно досталось от Старухи? - спросила Дина, со смешанным выражением сочувствия и любопытства.

Андрей в первый миг непонимающе взглянул на неё, потом мотнул головой.

- Да она меня по другому поводу вызывала. В командировку отправляет на какой-то форум.

- О! - присвистнул Арсений. - А почему тебя? Я тоже хочу! Люблю командировки! Считаю, всё бесплатно - проезд в СВ, гостиница, питание в ресторане... Ну и просто интересно другой город посмотреть, прошвырнуться. А главное, командировочные тут шикарные.

- Не знаю, - покачала головой Дина, - меня вот не тянет никуда...

- А я бы с удовольствием съездила. Сменила бы обстановку хоть на несколько дней, - подала голос Люба. - Дело даже

не в командировочных, хотя они тоже не лишние, но я бы вот с радостью от свекрови отдохнула... да и от Вадика тоже.

- Слушай, - загорелся Арсений, - а она тебя одного отправляет? Форум, вообще-то, знаковое событие, а ты у нас тут недавно, не всё ведь ещё знаешь. Нужен кто-то...

- Да она сама туда едет, а меня решила взять в компанию.

На мгновение в кабинете повисло молчание, затем Дина издала сдавленный восклик, а Арсений, сморгнув, хмыкнул:

- Не, тогда не хочу. И тебе не завидую.

- Да уж, - скривилась Люба. - Ехать куда-то со Старухой вдвоём сомнительное удовольствие.

Коллеги, все, кроме безмолвной Кати, ещё долго обсуждали новость, сочувствовали Андрею, шутили, строили предположения, каково это - провести с ней пусть даже пару дней бок о бок. И единодушно соглашались, что это сущая пытка. Ну и радовались, конечно, что Старуха уезжает. А значит, хоть несколько дней можно будет жить спокойно и дышать полной грудью.

Ближе к концу рабочего дня Елена Эдуардовна вновь вызвала Андрея. На этот раз строгая секретарша оповещать её не стала, сразу дозволила:

- Проходите. Директор вас ждёт.

Она действительно ждала. Андрей, едва вошёл, сразу наткнулся на её взгляд, чуть прищуренный и пристальный. И нервы тотчас натянулись струной, звеня, словно на неё уже и впрямь выработался условный рефлекс.

На этот раз она не предложила ему пройти, наоборот, сама поднялась из-за стола.

- Андрей Викторович, приказ отменять я не стану и от командировки освободить вас не могу. Но, учитывая, что всю минувшую неделю... ну и вчерашний день вы значительно перерабатывали, я решила дать вам отгул. Сможете завтра отдохнуть, ну и провести время с вашей дорогой гостьей.

Она, медленно и грациозно ступая, подошла к нему, всё так же не сводя с него глаз. Подошла совсем близко, он даже ощутил её аромат, в котором преобладал, конечно, какой-то дорогой парфюм, но слабо улавливался и более волнующий запах - её запах, хапах женщины. Невольно Андрей вдохнул глубже. И чёртовы струны внутри завибрировали уже иначе.

- Билеты на самолёт забронированы на воскресенье. Людмила Михайловна завтра утром их выкупит, - она выговаривала слова неспешно, тихо и с таким выражением, будто во все не о работе говорила, будто завлекала и провоцировала, будто желала пробудить в нём совсем другие мысли...

Ну и конечно, пробудила. Как тут устоять?

Андрей, словно под гипнозом, уставился на её губы, не в силах оторвать взгляд. Сердце билось тяжело, быстро, гулко. В голове всё спуталось так, что когда он вышел наконец из её кабинета, то мог вспомнить лишь отдельные обрывки её фраз, прорвавшихся сквозь грохот пульса в ушах: отгул... вылетаем в воскресенье...

Хотелось окунуть голову в ледяную воду, чтобы сбросить

это наваждение и навести в мыслях порядок. Ну и успокоиться, унять вдруг не на шутку разошедшееся сердце.

Сердце-то постепенно уgomонилось, а вот мысли... они буквально разрывали голову.

Это какой-то нонсенс, твердил он сам себе. Просто абсурд. Как можно ненавидеть человека и так его желать? Не должно быть так.

«Может, просто нужно спустить пары и всё пройдёт?», - понадеялся он.

Вечером, уже дома, Андрей огорошил Нику предложением:

- Давай-ка завтра забуримся в какой-нибудь клуб? Тряхнём стариной? Мне отгул дали.

- Да тебе-то чем трясти? - потом догадалась: - А-а, поднять кого-нибудь хочешь?

- Ну и это тоже, - с не стал юлить Андрей.

Как словом - так и делом. Следующим же вечером рванули большой компанией в «Дикую лошадь», где лютовал особый фейсконтроль. Помимо всяких «гашеных» и крепко перебравших, в клуб не пускали и тех, кому не исполнился двадцать один год. Паспорт, конечно, предъявить не просили, но с виду совсем юных сразу бескомпромиссно разворачивали.

Какое-то время они, оккупировав длинный стол на крытой террасе, сидели все вместе - его друзья и Никины. Зна-

комились, общались, шутили, провозглашали тосты. Всё было хорошо, даже замечательно, только вот женского общества не хватало. Две дамы на всю компанию, одна из которых родная сестра, вторая - совсем мимо.

Ника, заметив, что Андрей скользит ищущим взглядом по толпе, пихнула его в бок и, подмигнув, спросила:

- Что? Ищешь, на кого бы глаз положить?

Но «искать» даже и не пришлось. Она нашлась сама, просто случайно оказалась рядом, да так и осталась. Молчаливая, улыбающаяся, малоприметная девушка. Имени её Андрей даже не запомнил. Не запомнил и лица. Только душевные объятия на заднем сиденье чужого тесноватого «фокуса», липкие поцелуи, сладкий парфюм. Затем - такое же сумбурное продолжение на даче у какого-то Никиного друга, прощание-бегство и неловкое «Я позвоню, если что...».

А утром Андрей мчался на работу, проклиная пробки, лихачей-маршрутчиков, подрезающих тут и там, только успевая лавировать, и, конечно, себя. Себя - не очень, себя он всё-таки любил, но на дачу определённо поехал зря. И вообще всё зря. В итоге - спал от силы пару часов, голова гудит и на душе отчего-то очень гадко. Хотел ведь просто отвлечься, избавиться от навязчивого томления и дурных мыслей - и ни черта не избавился, только в придачу ко всему тошно стало, а за грудиной ещё назойливее свербит...

Как ни мчался Андрей, а всё-таки снова опоздал. Не настолько круто, как в понедельник, но тем не менее факт есть факт.

- Аж завидую твоей отваге, - прокомментировал его пятнадцатиминутную задержку Арсений.

- С огнём играете, Андрей, - вздохнула Дина Шигибаева.

- А мне кажется, - вкрадчиво молвила Люба, - ничего ему Старуха не сделает. Видать, кое-кому можно и опаздывать, и вообще...

- Люба, - резко перебил её Андрей, - вы что-то знаете, чего не знаю я?

- Ну что я могу знать? - Люба картинно опустила глаза, но на губах по-прежнему играла потаённая улыбка. - Просто делюсь кое-какими соображения.

- Свои соображения оставьте при себе. Делиться надо проверенными фактами, и то, когда вас об этом спросят.

Любина улыбка мгновенно сползла. На белой шее проступили алые пятна. Она обиженно поджала губы и, метнув короткий сердитый взгляд на Андрея, уткнулась в монитор.

В отделе повисло гробовое молчание, которое, спустя четверть часа, взорвал резкий звонок внутреннего телефона. Дина Шигибаева вздрогнула, да и остальные встрепенулись.

- Да... да... хорошо, сейчас сделаю, Елена Эдуардовна, - лепетала Дина, бледнея. - Батурин? Да, здесь. Хорошо, передам.

Дина положила трубку, облегчённо выдохнула, перевела

взгляд на Андрея и сделала страшные глаза:

- Старуха требует вас к себе. Срочно.

Елена Эдуардовна себя не узнавала. Вчерашний день казался пустым и тоскливым и тянулся бесконечно. Батурин «отгуливал», и его почему-то очень не хватало...

Хотя с чего бы вдруг, если подумать? Ведь даже тогда, когда он присутствует на работе, они почти не видятся. Однако само осознание, что он здесь и в любой момент можно его, например, вызвать, многое значило.

Но всё равно... между ними ведь ничего такого и не было. Несколько коротких встреч наедине, несколько фраз, случайные прикосновения и взгляды, от которых заходило сердце. Да и всё.

Однако вот она уже думает о тех мимолётных мгновениях днём и ночью. Вспоминает, как он смотрел на неё там, на парковке, а ещё в кабинете. Смотрел так, что её накрывало жаром... И до сих пор от одних лишь этих воспоминаний тело наполняла сладкая, тягучая истома, а воображение само беззастенчиво рисовало продолжение...

«Кажется, я схожу с ума», - удивлялась себе Елена Эдуардовна, но вновь и вновь представляла разные волнующие сцены.

А сегодня она и вовсе встала на час раньше - всей душой стремилась на работу.

В общем-то, она всегда работала с энтузиазмом, но тут совсем другое. Где-то в груди поселился трепет, и в голову постоянно лезли всякие глупости.

Пока собиралась - неоднократно ловила себя на том, что витает в облаках и беспричинно улыбается. Это чувство полу-эйфории немножко пугало своей внезапностью и непривычностью. Никогда с ней такого не бывало.

Единственная настоящая влюблённость, которую она пережила ещё в далёком детстве, приносила лишь муки. А единственный мужчина, с которым её когда-то связывали близкие отношения, не сумел по-настоящему затронуть сердце.

Впрочем, это как раз к счастью. Иначе новость о том, что он вовсе не холост, как поначалу говорил, а очень даже женат, наверное, стала бы для неё сильным ударом. А так - она всего лишь отринула его и перешагнула этот неприятный эпизод в своей жизни.

Теперь же с ней творилось что-то немыслимое. Стальной надёжный панцирь не просто дал трещину, а разваливался на глазах. И если поначалу Елена Эдуардовна спрашивала себя, чем мог так её зацепить Батулин, то сейчас она искренне не понимала, как она могла так долго не замечать его раньше. Ведь он - красив, умен, благороден, отзывчив, серьёзен. Сумел многого добиться и, потеряв всё, не сломался... Его достоинства она могла бы с упоением перечислять часами, обсуждать их, делиться восторгами, будь у неё хоть кто-ни-

будь, с кем можно было бы делиться... Она бы сказала этому кому-нибудь, что Андрей Батурин - лучший мужчина. Мечта, одним словом.

А что особенно странно - больше всего её привлекало в нём то, что ещё совсем недавно раздражало: с ним она не чувствовала себя важной, главной, успешной, уверенной, как со всеми. Наоборот, она ощущала его силу, необъяснимую, подавляющую, подчиняющую. Невозможно было сказать, в чём это выражалось. Он ведь не давил, не командовал, даже не упрямялся. Он, вообще, по большей части молчал. И тем не менее...

Елена Эдуардовна ещё отчаянно цеплялась за своё положение и пост, пыталась всюду казаться независимой, но в мыслях всё чаще ловила себя на том, что ей хочется покориться, хочется побыть слабой, хрупкой, немножко капризной, хочется иметь сильное и надёжное плечо. Но это всё мечты, хотя и, безусловно, приятные...

На работе Елена Эдуардовна появилась самой первой, но это уж как водится. Однако вместо того, чтобы заняться делами, коих всегда невпроворот, она заняла наблюдательный пост у окна. Столбом, конечно, не стояла, но то и дело подходила и смотрела вниз.

«Безумие моё явно прогрессирует», - констатировала она смиренно, продолжая следить за парковкой. Опея не было.

В девять ноль-ноль радостное волнение в душе заметно стихло, в пять минут сменилось беспокойством, в десять -

опустошением. Конечно, есть тысячи причин, почему работник может не явиться на службу, рассуждала она, пытаясь совладать с разочарованием. И вовсе необязательно, что это нечто плохое...

Ещё этот форум! Очень хотелось, конечно, чтобы он там выступил, да хотя бы просто засветился. Это однозначно всколыхнуло бы публику и притянуло медийщиков. Но гораздо больше хотелось, чтобы он просто поехал с ней вместе.

Нельзя сказать, что она строила планы на его счёт. Совсем даже нет. Хотелось побыть вместе в самом невинном смысле и всё.

В девять пятнадцать Елена Эдуардовна совсем пала духом, а минуту спустя - резко воспрянула. На парковку влетел белый родстер. А ещё минутой позже показался и сам Батурин. Вынырнув из авто, он заторопился к центральному входу.

«Опоздал, наглец!», - улыбнулась она счастливо.

Сердце колотилось радостно, а трепет в груди стал просто невыносим. Казалось, изнутри так и распирает.

Но радость вскоре сошла на нет. Очень сильно захотелось увидеть его. И увидеть вблизи, его лицо, его глаза, а не макушку с высоты птичьего полёта. Но, что странно, она вдруг не нашла в себе смелости просто ему позвонить и вызвать. Это уж совсем на неё не походило. Ладно, волнуется, но уж робеть почти в тридцать лет, как будто ты нескладная и застенчивая девочка-подросток - глупость несусветная.

«Я и не робею, - заверяла сама себя Елена Эдуардовна, - просто мне надо кое-что спросить у Шигибаевой. А его заодно вызову через неё. Зачем сто раз звонить в один отдел?».

Но когда Батурин возник на пороге, все её заверения тотчас пошли прахом - опять разволновалась. Она даже отвернулась на пару секунд, чтобы «сделать лицо». И всё равно улыбку было не удержать.

- Как отдохнули, Андрей Викторович? - поинтересовалась она.

Вместо ответа он неопределённо дёрнул плечом. Как же с ним сложно! Она вон вся лучится, а он... Нет, больше антипатии с его стороны она не чувствовала. Но ощущала буквально всеми фибрами его напряжение, оно росло скачками, исходило мощными волнами и отзывалось в ней самой потаённой дрожью.

- Проходите, присаживайтесь, - вымолвила она. Хотелось прижать к щекам ладони, а ещё лучше - что-нибудь холодное.

Батурин то бросал на неё тёмный взгляд, от которого ещё сильнее бросало в жар, то не менее красноречиво отводил глаза.

Немалых усилий ей стоило держаться естественно. То есть пытаться, а уж что там получалось из этих попыток - большой вопрос.

- Ребята смонтировали ролик, хочу вам его показать, - го-

лос звучал слегка нервно, словно у впечатлительной студентки на экзамене.

Елена Эдуардовна повернулась к огромной плазменной панели, висевшей сбоку на стене, направила пульт, и экран вспыхнул.

Ролик длился не дольше двух минут и отснят был вполне профессионально.

- Это мы покажем, а дальше будет презентация, которую с вами сейчас и обговорим. В общем-то, тут всё, что вы последние дни изучали, но очень тезисно.

Она подошла к экрану, встала к нему почти спиной - так, не видя его глаз, говорить было легче. Слайды сменялись один за другим, некоторые она комментировала более подробно, на некоторых почти не заостряла внимание и каждую секунду при этом чувствовала, как он прожигает её взглядом. Она могла безошибочно сказать, куда сейчас он смотрит: на затылок, на спину или ниже. На последнем слайде она обернулась и перехватила его взгляд, пристальный и жадный, всего на мгновение, затем он уставился на экран, тоже старательно изображая невозмутимость и внимание. Ну хоть не одной ей здесь не по себе, удовлетворённо отметила Елена Эдуардовна.

- Андрей Викторович, попробуйте теперь сами? Вот это вы будете на пресс-конференции говорить. Может, порепетируем немного?

Он снова посмотрел ей в глаза, одновременно с отчаяни-

ем и смятением, сглотнул, просунул пальцы под воротник и чуть ослабил, как будто ему душно сделалось, хотя кондиционер исправно держал в кабинете приятную прохладу.

Помешкав, Батурин всё же поднялся со стула и подошёл ближе, больше уже на неё не глядя. Она вновь запустила слайд-шоу, сама же вернулась в своё кресло - стоять с ним рядом было сложно, ноги отчего-то предательски слабели и коленки подрагивали.

Он глухо отчитал по писанному обозначенные тезисы, не добавив от себя ни единого слова. На её вопросы отвечал односложно и неохотно.

- Вы и на пресс-конференции собираетесь выступать с таким выражением лица? - спросила она с улыбкой.

- А что не так с моим лицом? - нахмурился он ещё больше.

- У вас на лбу так и написано: «Отстаньте все от меня!».

- Ну извините, не умею притворяться.

- Это я заметила, - усмехнулась она.

И, кажется, он понял намёк. Метнул в неё быстрый, острый взгляд и... неужели смутился? Или разозлился? Наверное, и то, и другое.

Елена Эдуардовна решила дольше Батурина не терзать, да и самой надо было успокоиться. Через час у неё запланирована важная встреча в мэрии, а в голове всякие глупости и не одной серьёзной мысли.

- Идите, Андрей Викторович. Презентацию я отправлю вам по электронке. Вы, пожалуйста, подумайте над своей речью.

Он молча вышел.

Когда за ним затворилась дверь, она перевела дух и наконец прижала ладони к пылающим щекам. Затем мечтательно улыбнулась - каким бы суровым господин Батурин ни хотел выглядеть, а к ней он равнодушен. Невозможно объяснить, откуда взялась такая уверенность, но она это чувствовала. Нутром чувствовала. И этого сердце так и пело.

Только вот что дальше? Ждать, когда он от взглядов перейдёт к действиям? А если так и не перейдёт? Впрочем, не всё ли равно? Ей нравилось то, что происходило сейчас. Это влечение, сдерживаемое условностями, эти неуловимые знаки, это взаимное напряжение, от которого играет кровь и неистово колотится сердце - всё это делало жизнь волнующей и интересной.

Вздохнув, Елена Эдуардовна одёрнула себя: «Дома бу-

десь мечтать, а сейчас работа!».

Собрав нужные документы в папку, позвонила водителю. На деловые встречи она ездила исключительно на служебной машине.

Уже уходя, в приёмной застала Любу - та упрасивала секретаршу занести к директору важное коммерческое предложение.

- Пожалуйста, можно не через папку? - умоляла она. - Они от меня это предложение прямо сейчас ждут. Ну что вам стоит?

- Нет, - строго отвечала Людмила Михайловна. - Порядок есть порядок, кладите в папку, в два часа, как обычно, я занесу Елене Эдуардовне все документы на подпись.

- Но это срочно!

- Люба, что у вас? - спросила Елена Эдуардовна, на ходу застёгивая коротенький белый плащ.

- А... эм... - Люба растеряннo хлопала глазами, потом выпалила: - Я договорилась с Норд-Вестом, что отправлю им наше коммерческое предложение. Они готовы, они ждут...

- Давайте взгляну. А то вернусь, возможно, не скоро.

Последнее было сказано больше для Людмилы Михайловны, которая всегда молча, но выразительно осуждала любые отклонения от заведённого порядка.

Люба протянула ей бумагу, Елена Эдуардовна пробежалась глазами, взяла ручку у своего строгого секретаря и поставила подпись.

- Вот, пожалуйста, - вернула она Любе письмо.

- Спасибо, - пробормотала та и покинула приёмную.

Елена Эдуардовна оставила кое-какие распоряжения секретарю и спустилась вниз, но лишь в машине спохватилась, что забыла папку с документами. Это же просто ужас - какой рассеянной она стала последние дни. Никогда ничего не забывала, а тут...

- Извините, вам придётся ещё немного меня подождать, - пояснила она водителю, - я кое-что оставила в кабинете. Придётся вернуться.

Тот ошарашено кивнул. Уж сколько он её возил - впервые она заговорила с ним, как с живым человеком, ещё и извинилась.

Злосчастная папка с документами оказалась на журнальном столике, рядом с гардеробной. Видимо, пока она одевалась - отложила и благополучно забыла. Счастье, что вспомнила, не успев далеко уехать.

Она выскочила из приёмной и помчалась вниз, сунув папку подмышку. Так торопилась, что каблук скользнул по мраморной ступеньке и подвернулся.

«Только бы не сломался!».

Елена Эдуардовна остановилась, ухватила за перила одной рукой, второй ощупала шпильку. Вроде держится, крепко. Поставила ногу на ступеньку, опробовала, поворачивала ступнёй.

«Фух, слава богу», - выдохнула она и вдруг услышала этажом ниже Любин голос:

- Пойдём покурим?

- Да ну, вдруг нарвёмся... - второй голос принадлежал Шигибаевой.

- Не нарвёмся, - заверила Люба. - Старуха только что-то куда-то свалила.

Елена Эдуардовна непонимающе нахмурилась: какая старуха? О чём они вообще?

Она уже хотела было спускаться дальше, но Люба вновь заговорила:

- А тебе не кажется, что Старуха на Батурина запала?

- Не знаю...

- Нет, ты подумай: дважды за неделю опоздал, а ему - ничего. Ни-че-го-шень-ки! Когда такое было? Потом - вызывает его к себе постоянно, задания ему даёт индивидуально, ещё и в командировку с собой взяла. Влюбилась, точно тебе говорю. У меня интуиция на такие вещи о-го-го. Я не исключаю, что между ними уже что-то есть. Может, она его вовсе не по работе вызывает, а для этого самого... ну ты понимаешь.

- Нет, не понимаю...

- Ой, Дина! Ну ты чего? Ну, трахает он её, что непонятного? Видела же, какое у него лицо было сегодня, когда он от неё вернулся? Я сразу как на него взглянула - всё поняла. И сама старуха так вдруг подобрела... Письмо мне без вопро-

сов подписала. И сама вся такая вежливая стала, я чуть в обморок не грохнулась. Ты, Дин, сама подумай, с чего бы ей...

Дальше они, видимо, спустились ниже, и Елена Эдуардовна уже не могла разобрать ни слова. Да ей и не нужно было. И того, что слышала, хватило с лихвой.

Она привалилась к холодной стене, пытаясь взять себя в руки.

«Не сейчас, только не сейчас! Держись, забудь, потом... всё потом... Тебе надо ехать...»

К такому унижению она оказалась не готова. Лицо пылало, будто ей прилюдно надавали пощёчин, оплевали, окатили помоями. Веки противно щипало, грудь сдавил тяжёлый ком, так что дышалось через силу.

Это, получается, её они называли старухой? Да она ведь младше той же Дины! Да и с Любой почти ровесница. Какая она им старуха?! За что они так? Сволочи! Гадкие сплетницы! Безмозглые куры! Она крепко зажмурилась, пытаясь сдержать слёзы. Обида и боль колотились в горле, выжигали, точно кислота, внутренности. Слова продолжали нещадно стучать в ушах: старуха..., запала..., влюбилась..., трахает..., старуха, старуха, старуха...

Вдруг пронзил страх: а вдруг они и при нём её называют этим мерзким словом? О, нет! Только не это! Только не при нём!

- Елена Эдуардовна, вам плохо? - раздалось совсем рядом. Она открыла глаза - Людмила Михайловна. Смотрела на неё

с неподдельной тревогой.

Елена Эдуардовна глубоко вдохнула, но выдохнула судорожно, словно с трудом, с болью, однако нашла в себе силы качнуть головой и ответила:

- Всё в порядке. Голова что-то закружилась.

- Давление, может? У вас лицо такое красное...

Она пожала плечами.

- Давайте поднимемся в приёмную, смерю... у меня и препараты есть.

- Спасибо, Людмила Михайловна, но мне нужно немедленно ехать в мэрию. Встреча чрезвычайно важная. И так опаздываю уже...

На негнущихся ногах она стала медленно спускаться по лестнице.

Настроение было настолько отвратительным, что даже предстоящий полёт её не так уж страшил. А летать на самолёте Елена Эдуардовна боялась всегда, хоть и очень искусно эту боязнь скрывала. Обычно она выпивала немного коньячку для расслабления, но всё равно до самой посадки едва дышала, сидя в кресле каменным изваянием.

Сейчас она, конечно, тоже нервничала, но лишь слегка. Хотя сто грамм она всё равно выпила перед полётом, по привычке.

Чужие злые слова почему-то не просто задели её, а буквально выбили почву из-под ног. И ведь она прекрасно знала, что сотрудники её недолюбливают, а некоторые и ненавидят, представляла, что за глаза перемывают косточки вовсю. И, в общем-то, не ждала от них никакой благосклонности. Да и кто когда любил своё начальство? Важно ведь, что работу делали, приказы выполняли беспрекословно, дисциплину блюли. А что там за спиной бормочут - ну не плевать ли? Так думала она всегда, пока не услышала эти гадкие сплетни, это мерзкое прозвище.

А ещё сразу вспомнилась школа. Вот уж где ад был, который она долго-долго пыталась забыть. И ведь забыла! А теперь прошлое со всеми бесчисленными оскорблениями, об-

зыватьствами, унижениями, с неискоренимым прозвищем «косая» настырно лезли в голову.

Даже самой не верилось, что случайно подслушанный обрывок разговора мог вот так её надломить. Куда делись её привычная уверенность, её непробиваемость и хладнокровие? Почему она снова, как когда-то, чувствует себя нелюбимой, неуклюжей, застенчивой девчонкой, несчастным посмешищем и изгоем? Почему не получается отбросить слова, как шелуху? Почему ощущение, что они прилипли к ней, как несмываемая грязь?

Потому что она открылась, осознала вдруг Елена Эдуардовна. Размякла, поддалась эмоциям, вот и стала уязвима. И при всём при том она продолжала малодушно и отчаянно желать, чтобы Батурин не знал, не слышал этих гадостей.

Елена Эдуардовна заняла место у окна, Батурин плюхнулся рядом. Посмотрел на неё, она сомкнула веки. Хаотичные мысли так и зудели в голове, как облако назойливой мошки: *господи, она его стеснялась! Докатилась! И всё же: знает - не знает? Слышал - не слышал? Говорят так при нём о ней или нет? Как же это унижительно! Чёртова Люба, надо было её давно уволить за профнепригодность. Как же от него одуряюще пахнет! Скорее бы оказались на месте.*

Стюардесса предложила воды. Елена Эдуардовна выпила залпом, облизнула губы и снова поймала на себе его взгляд.

Немного странный, не то заинтересованный, не то удивлённый.

- Что? - не удержалась она, занервничав под прицелом его глаз.

- Вы какая-то сегодня... другая. Неужели боитесь летать на самолётах?

- Боюсь, - честно призналась она.

Он вдруг улыбнулся.

- Даже странно, что вы чего-то боитесь. Я-то думал... думал, у вас нервы - стальные канаты и...

- Вы ошибались, - сухо ответила она.

Ну какие стальные канаты?! Да у неё страхов и комплексов - воз и маленькая тележка. Впрочем, об этом ему лучше не знать. И вообще никому.

- Да, я понял, - согласился Батулин. Потом вдруг наклонился к ней совсем близко и в самое ухо сказал: - Пропустили стаканчик, чтобы не так страшно было?

Елена Эдуардовна вспыхнула и отвернулась.

Какое-то время она неотрывно смотрела в иллюминатор, а когда вновь скосила глаза на Батулина, то с удивлением обнаружила, что тот спит. Откинул голову и еле слышно посапывает.

Она вдруг огорчилась. Почувствовала себя совсем одиноко. Зато - неожиданно пришла мысль - можно его вдоволь разглядеть, чем она и занялась. Прямой нос, не точёный, но хорош, твёрдый подбородок, тёмная щетина, чёрные брови

и самое волнующее - губы. А ещё запах. Она даже подалась чуть ближе, вдохнула глубоко, раз, другой... От этого запаха и впрямь помутилось в голове, даже забылась Люба и её мерзкие слова, забылся страх и чёртова турбулентность.

Елена Эдуардовна скользнула взглядом ниже. Крепкая шея, широкие плечи, ворот, расстёгнутый на несколько пуговиц. Украдкой, словно воришка, заглянула в открытый вырез. Мощные мускулы натягивали тонкую ткань рубашки - так и хотелось к ним прикоснуться, ощутить их твёрдость и силу. А ещё больше хотелось коснуться его кожи...

Она закусила нижнюю губу и сцепила пальцы рук, пытаясь подавить это желание, нелогичное, глупое, непозволительное. С трудом оторвала взгляд и подняла глаза, дабы не искушать себя, и... чуть не ойкнула. Он не спал! И тоже сосредоточенно смотрел на неё.

Кровь тотчас прихлынула к щекам. Она стыдливо отвернулась, ругая себя на чём свет стоит. Это же надо так опрофаниться! Но он тоже хорош. Мог бы показать, что не спит, а не наблюдать молчком, как она его разглядывает и обнюхивает. Господи, какой позор!

В Толмачёво* их встречали коллеги из западносибирского филиала. Подогнали для них двоих ни больше ни меньше микроавтобус.

Елена Эдуардовна устроилась в салоне вместе с бойкой

девушкой, что их встретила. Та назвалась и должность свою упомянула, но Елена Эдуардовна не удержала в памяти.

Батурин же втиснулся на переднее сиденье, к водителю. И это хорошо - она до сих пор никак не могла прийти в себя от пережитого конфуза. Половину пути девушка отчаянно пыталась построить светскую беседу, но Елена Эдуардовна упорно не включалась в разговор, так что и девушка потом сдалась.

Через полчаса обоих высадили у центрального входа отеля "Новосибирск" - длинного ряда стеклянных дверей, расцвеченных точечной иллюминацией.

- Завтра заедем за вами в девять утра, - предупредила девушка на прощание.

Елена Эдуардовна оформила документы на ресепшене. Не глядя, попрощалась «до завтра» с Батуриным и торопливо направилась к лифту.

Как назло, ехать пришлось в одиночестве. Находиться в лифте она ненавидела ещё больше, чем летать в самолётах. С кем-то вместе - ещё куда ни шло, а одной...

Но когда это она шла на поводу у своих страхов? Никогда! Наоборот - собирала волю в кулак и делала наоборот то, что страшно, даже тогда, когда имелись и обходные пути. Например, ехать поездом или попросить секретаря бронировать номер на нижних этажах. А она - нет, она - отважно воевала со своими слабостями.

И всё же, когда зеркальные двери лифта плавно разъеха-

лись, выпуская её в холл двадцатого этажа, Елена Эдуардовна выдохнула с облегчением.

Сьют ей понравился. Просторный и обставлен в классическом стиле, если не считать уборную и душевую. Там господствовал привычный хай-тек.

Осмотревшись, Елена Эдуардовна первым делом развесила одежду в гардеробной, а затем позволила себе понежиться в джакузи. Заодно и мысли в порядок привела.

Во-первых, решила: как вернуться из командировки - сразу же разделается с Любой. Разумеется, о подслушанном разговоре, о мерзких сплетнях и «старухе» она не обмолвится. Найдёт какой-нибудь благовидный повод, чтобы её уволить, благо с такой работницей это несложно. Ну а во-вторых, с Батуриным будет вести себя как ни в чём ни бывало. А то детский сад какой-то. Разволновалась, сбежала... Как глупо! А она ведь красивая и успешная женщина. Его босс, между прочим. Так что больше никаких глупостей!

Спускаться на ужин Елена Эдуардовна не стала - после водных процедур её сморило, да и джетлаг сказался, так что сразу легла спать и, на удивление, мгновенно уснула.

*Толмачёво - аэропорт г. Новосибирска

Андрей коротал вечер в лобби-баре на первом этаже отеля.

Цены тут, конечно, кусались. Это раньше он мог себе позволить вообще не обращать внимание на такие мелочи, ну а нынешнее положение требовало быть в запросах поскромнее. Однако иногда можно и расслабиться. Тем более город он знал плохо - куда ещё пойти?

Наверное, стоило и вовсе остаться в номере, принять душ, растянуться на широченной кровати и смотреть телевизор, пока не потянет в сон, к тому же завтра день обещал быть очень насыщенным, но на месте отчего-то не сиделось.

Приключений он не искал, просто не хотелось оставаться наедине со своими мыслями. Ибо в голове творился полный сумбур. То, как Елена его разглядывала в самолёте, неожиданно разволновало ещё больше, чем все прежние встречи наедине, взгляды и прикосновения. А ему и до этого сложно было с собой бороться, гнать прочь фантазии, от которых затуманивало разум. А теперь и вовсе его как заклинило.

Андрей упрямо пытался расшевелить в себе былую злость. Ведь он же её терпеть не мог, на дух не выносил - куда всё это делось? Почему теперь все мысли о ней неизменно сворачивали в одно-единственное русло? Почему он

невольню то и дело представлял, какие на вкус её губы, какая на ощупь кожа?

Он тряхнул головой, пытаясь согнать это наваждение, но если бы всё было так просто...

- Простите, - услышал он совсем рядом и в задумчивости не сразу понял, что обращаются к нему. - Вы ведь Андрей Батурин? А я вас помню. Года три назад вы играли за "Локомотив", недолго совсем, но зато как!

Андрей бросил неприязненный взгляд в сторону бесцеремонно подсевшего к нему мужчины, отвернулся. Затем в один глоток допил оставшееся пиво, резко отставил бокал и, поднявшись из-за стола, буркнул:

- Я уже давно не играю.

- Да, - сокрушённо вздохнул тот. - Читал про ваш уход... Нелегко, наверное, это далось? А чем вы сейчас занимаетесь?

Андрей раздражался ещё больше. Во-первых, неожиданно поймал ассоциацию с эпизодом из известного советского фильма, где в забегаловке к спившемуся хоккеисту тоже кто-то подходит и «узнаёт».

Хоть тут и антураж поприличнее, чем в дешёвой рюмочной, да и он пока не спился и в обозримом будущем не собирается, но всё равно стало неприятно. Ну а во-вторых, Андрей вообще ненавидел все эти разговоры о прошлом, ненавидел, когда сочувствовали, любопытствовали, лезли в душу. Оттого ответил незнакомцу, пожалуй, излишне резко:

- Не видите разве? Вот, - кивнул он на пустой бокал, - пью.

Тот растерянно сморгнул, затем хотел ещё что-то сказать, но Андрей направился к стойке, расплатился и покинул бар.

С Еленой он встретился утром, за завтраком. Она спустилась в ресторан чуть позже, он уже набрал себе всякой всячины и как раз наливал чай.

- Доброе утро, - поздоровалась она вполне доброжелательно, скосила взгляд на его поднос и не удержалась: - Неплохой у вас аппетит по утрам.

- Завтрак съешь сам... - отговорился он народной мудростью.

Он и в самом деле приучил себя плотно есть утром, а дальше по убывающей.

Андрей занял ближайший свободный столик, а спустя пару минут и она подошла.

- Не возражаете?

Он пожал плечами, мол, ему абсолютно без разницы, но не удержался - тоже посмотрел, полюбопытствовал, что она предпочитает на завтрак. И удивился.

Из всего многообразия, что предлагал местный шведский стол, Елена выбрала лишь овсяную кашу, фруктовое желе иobleпиховый морс.

- Как спалось? - спросила она, изящно орудуя миниатюрной ложечкой.

Андрей снова пожал плечами - и без того неразговорчи-

вый, он в её присутствии и вовсе с трудом подбирал слова. И думалось совсем не о том. Например, какие у неё тонкие запястья и длинные пальцы - так хочется их коснуться, сжать, почувствовать в своей ладони. Или вот глаза. Такая в них сумасшедшая зелень с синевой - смотреть невозможно, затягивает и лишает всякой воли. И совсем уж безумное: хотелось распустить этот извечный безукоризненный валик, чтобы волосы свободно струились по плечам... Андрей всегда любил длинные волосы. Притом к оттенкам был равнодушен, могли ему понравиться и блондинки, и брюнетки, и шатенки. А вот длина - другое дело.

Пришлось в очередной раз напомнить себе: «Она - твоя начальница, очнись».

Конечно, свою кашу она склевала быстрее, чем он упрямился с тарталетками, картофелем, присыпанным свежей зеленью, овощным салатом, котлетой, фаршированным яйцом и сырниками со сметаной. Хорошо, что она не стала сидеть и ждать, а деликатно удалилась, напомнив, что заедут за ними через час.

В девять у входа их ждал микроавтобус. Она юркнула в салон. Ему тоже хотелось следом, но почему-то с ней он вечно действовал наперекор собственным желаниям. Сам не мог точно определить - почему. И не мог пересилить это иррациональное стремление. Поэтому снова забрался к водителю. Впрочем, так оно и легче. Сидел бы сейчас рядом с ней и вновь думал о том, о чём думать не следует. Он и так, ко-

нечно, думал, но не столь навязчиво. Да и водитель своим трёпом отвлекал.

Спустя полчаса они остановились рядом с Экспоцентром, серой, остеклённой громадиной. Осмотреться не дали - их уже встречали, точнее Елену Эдуардовну. Сразу окружили, куда-то повели. Ну и ему ничего не оставалось, как следовать за ними.

Программа экономического форума и впрямь оказалась насыщенной, но... невообразимо скучной. Круглые столы, симпозиумы, пресс-конференции... Мероприятия проходили буквально в режиме нон-стоп. Между делом, правда, их подкармливали.

Как раз перед пресс-конференцией, где Андрею предстояло выступать, их пригласили в фуршетный зал. Ему есть не хотелось, но чтобы не стоять неприкаянно, он всё же взял себе парочку канапе.

Рядом с ним возникла женщина лет сорока пяти, от которой так и веяло статусом и успешностью. Женщина и правда оказалась директором какой-то компании. Какой - Андрей не упомянул, как и имя собеседницы.

Однако запечатлилось другое: Елена Эдуардовна, которая всё утро находилась в окружении «костюмчиков» и его как будто вообще не замечала, а тут сразу же напряглась.

«Костюмчиками» Андрей прозвал про себя мужчин, лощённых и обходительных, что облепили её и чуть не наперебой что-то ей втолковывали. А она умудрялась всем им

одинаково любезно отвечать. Настолько любезно, что ещё немного и это было бы уже кокетство.

Это, конечно, злило. Но ещё больше злило, что она, купаясь в их внимании, ни разу не взглянула на него до тех пор, пока к нему не пристроилась эта дама.

А теперь Елена Эдуардовна, хоть и продолжала изо всех сил улыбаться и поддерживать беседу, но беспрестанно оглядывалась на него.

«Собака на сене», - хмыкнул про себя Андрей, чувствуя, как улучшается настроение.

После фуршета всех пригласили в конференц-зал, где и предстояло выступать с инвест-проектами.

Их «Новый Рим» болтался где-то в середине списка, так что было время собраться и в уме проговорить фразы, которые, в общем-то, он и так заучил практически наизусть.

Заучил, да... но когда пришла их очередь представлять проект, все заготовленные фразы тотчас подло забылись. Пришлось шпарить отсебятину. Впрочем, смысл он не перевирал, просто преподносил не в такой красивой словесной форме.

Елена кое-где вставляла ремарки и украдкой его подбадривала, хотя он, в общем-то, и сам не терялся. Публика Андрея не смущала. Просто риторика - не его конёк. Другие вот расписывали заманчиво, многословно и витиевато, он же выдавал скупые рубленные фразы строго по существу.

- Ваш проект впечатляет, - раздался голос откуда-то из се-

редины зала. - Но где гарантии?

Андрей посмотрел на говорившего и мгновенно его узнал: вчерашний незнакомец из бара.

В первый миг замешкался, но потом хотел ему ответить, однако Елена Эдуардовна его опередила - видать, мужик был важной птицей, раз уж она сама взялась перед ним распи- наться. Тот её слушал, кивал, задавал наводящие вопросы, а сам то и дело поглядывал на Андрея.

Уже после всех выступлений Андрей спросил её:

- Кто он?

- Русов. Член совета директоров «Восточно-Азиатского банка». Каждый из здесь присутствующих спит и видит, как бы заполучить его в инвесторы. Нам повезло, что он приехал.

Андрей хотел ей признаться, что уже не повезло, но её снова кто-то отвлёк, увёл в сторону, заговорил.

«Ну и плевать», - решил он.

Дальнейшее его не особо волновало - главное, он отстрелялся, сделал, что должен. Раздражало только, что расходиться почему-то никто не спешил. Люди всё ещё бродили по залу, сбивались в кучки, что-то горячо обсуждали, от- ходили от одних, примыкали к другим, точно частицы броуновского движения. А вот банкир Русов по-прежнему не выпускал его из виду.

Это тоже раздражало, хотя Андрей делал вид, что не замечает его интереса. Стоял в стороне от всех с каменным

лицом и безучастно ждал, когда всё закончится, скучал и в мыслях прикидывал, чем бы занять свободный вечер. Но вечер, как оказалось, был уже расписан.

- В семь будет банкет, - предупредила Елена Эдуардовна.
- В одном из ресторанов отеля, где мы остановились. Кажется, «Синема» называется... Надеюсь, вы ничего важного не запланировали?

А сама взглянула, чуть прищурившись, точно пыталась просканировать мозг и выведать потаённые мысли.

- А это что-нибудь изменило бы?

- Нет, - честно призналась она.

В душе ему, конечно, захотелось взбрыкнуть, но сдержался, рассудив, что делать, в общем-то, всё равно нечего. А так - не придётся и думать, чем себя занять, куда пойти.

Ресторан «Синема» слепил белизной. Столы, стулья, стены и даже рояль - всё было девственно белым. И Андрей ещё, как назло, вырядился в белую рубашку и светлые льняные брюки, и почти сливался с местным антуражем.

Её ещё не было. Он сразу, как вошёл, обежал взглядом полупустой зал.

Народ постепенно стекался, вышколенные официантки рассаживали гостей за круглые, нарядно сервированные столы. Впрочем, народ - это звучало слишком громко для горстки посетителей. В зале от силы набралось бы десятка два.

Андрей оглядывал входивших: мужчин в деловых костюмах, женщин, щеголявших вечерними нарядами. А она-то где?

Банкир, конечно же, тоже явился и, выхватив взглядом Андрея, направился к его столу, ещё и сел по соседству. От этого настроение совсем упало. Отчего-то он со своим назойливым интересом очень его раздражал.

- А где ваша очаровательная спутница? - полюбопытствовал пожилой банкир.

Действительно - где? Он бы и сам хотел знать.

- Она - мой босс, - внёс ясность Андрей.

- А разве одно другому мешает? - хмыкнул Русов.

На это Андрей предпочёл вообще не отвечать.

- Значит, вы теперь в строительную сферу подались? - не отставал банкир. - И как, нравится?

Андрей отвечал неохотно, но Русов не унимался. Так и сыпал вопросами, причём иной раз - явно с подтекстом, будто почву прощупывал.

Этот непонятный интерес напрягал. Ещё больше напрягла манера Русова невзначай, но постоянно касаться собеседника.

И Кострова, ко всему прочему, никак не появлялась. Где вот её носит? Может, она с одним из «пиджачков» время проводит, а он, как идиот, сидит тут и терпит нудную болтовню надоедливого старпёра.

Строго говоря, Русова в старпёры записывать было ещё рано, но Андрей злился и потому был далёк от объективных суждений. Раз седой - значит всё...

Но всё-таки где эта чёртова Елена Эдуардовна?!

Андрей несколько раз порывался набрать ей сообщение, благо её номер был вбит в контакты ещё давным-давно, но невыносимый Русов каждый раз отвлекал очередным вопросом или ремаркой.

- Да-а-а, «Локомотив» много потерял с вашим уходом, - крикнул он, намахнув коньячок.

- Незаменимых у нас нет, - буркнул Андрей.

- Вам неприятно возвращаться к этой теме? - наконец догадался банкир.

- А что тут может быть приятного?

Официантки проворно сновали между столиками, меняя блюда с закусками и наполняя фужеры. Андрей пил водку. Сначала нехотя, почти через силу, больше из упрямства, потом пошло легче.

- А как вы смотрите на то, чтобы сменить сферу деятельности? - вкрадчиво спросил Русов. - Нет, я в курсе «Новый Рим» сейчас процветает, я даже собираюсь инвестировать в ваш проект. Но лично для вас, Андрей, там особых перспектив нет. А у себя я мог бы вам предложить хорошее место и гарантировать карьерный рост.

Русов вновь несильно сжал ему предплечье, буквально на мгновение, но захотелось передёрнуться. С языка уже готова была слететь резкость, да все слова тотчас вылетели из головы.

Через весь зал, прямиком к их столу шла Елена Эдуардовна.

Елену Эдуардовну было совершенно не узнать!

Вместо привычного строгого костюма, ну или хотя бы вечернего платья, как у остальных дам, она надела лёгкий белый сарафан длиной по колено. А ещё распустила по плечам волосы.

Андрей так и замер, не в силах отвести глаза - такой несерьёзной и такой очаровательной он видел её впервые. Выражение лица у неё тоже изменилось, и походка, и взгляд. Во всём её облике сквозила женственность, обезоруживающая и манящая.

- Прощу меня простить за задержку, - улыбнулась она всем присутствующим, но Андрею показалось, что извинения её звучали только для него.

Кто как, а он её сию секунду простил, и вообще с её приходом злость куда-то улетучилась. Он даже весело хмыкнул, когда она, оглядевшись, отметила:

- О, какое тут всё белоснежное. Гармонично я вписалась...

Место ей досталось напротив, но это даже хорошо - можно было любоваться вдоволь. Правда, разговаривать через стол неудобно. Да и Русов и не дал бы, похоже. Хотя при Елене Эдуардовне он к своему заманчивому предложению больше не возвращался. И вообще, с её появлением стал менее на-

ввязчив.

Вечер неожиданно перестал быть тоскливым. В голове шумело, правда, не понять отчего - то ли от выпитого, то ли от блеска в её глазах. Ему вдруг захотелось сказать ей, какая она красивая, но вовремя себя одёрнул.

В какой-то момент к Елены Эдуардовне подошёл незнакомый мужчина, галантно поклонился, протянул руку. Впрочем, ей он, может, и был знаком, судя по тому, какой улыбкой она его одарила. И приглашение на танец тоже приняла.

Да и пусть, сказал себе Андрей, сразу помрачнев.

- Ну так что? - наклонился к нему Русов. - Готовы принять моё предложение? Или хотя бы рассмотреть? Поверьте, такими предложениями не разбрасываются. Обещаю, вы не прогадаете.

- Я подумаю, - ответил Андрей - лишь бы банкир от него уже отстал. Ведь скажешь «нет» - начнёт переубеждать.

- Подумайте, подумайте. Только не слишком долго. Скажем, два дня. Потом я уезжаю, - Русов нырнул рукой во внутренний карман пиджака и извлёк оттуда визитку. - Вот тут мои контакты.

Андрей кивнул, пытаясь заставить себя оторвать взгляд от танцующей пары. Наконец, танец закончился, и Елена Эдуардовна вернулась на место. Точнее, её проводили, и комплимент отвесили, и в благодарностях рассыпались, и руку поцеловали, всё честь по чести.

Андрей неприязненно уставился на «джентльмена», с

нетерпением ожидая, когда тот уже удалится.

Ну а Елена Эдуардовна была явно в ударе и сама на себя не походила. Щебетала, заливисто, по-девчоночьи смеялась, пила вино, вполне нормально пила, кстати (хотя на корпоративах, как он помнил, никогда и капли не пригубит), охотно принимала знаки внимания и комплименты.

Андрей, наоборот, молчал. И она, конечно же, знала, что он глаз с неё не сводит. И её движения словно специально для него становились ещё более томными и плавными, будоража и без того закипающую кровь. Её взгляд почти не останавливался на нём, лишь изредка, на короткие мгновения, касался, но даже этих секунд было достаточно, чтобы уловить напряжение, от которого воздух буквально дрожал. Между ними будто возникла струна, натянутая, звенящая.

Он это чувствовал, она это чувствовала, и остальные за столом, очевидно, тоже, потому что непринуждённость их светской беседы постепенно сходила на нет и всё чаще возникали неловкие паузы.

К ней снова кто-то подошёл ангажировать, уже другой, хотя, может, и тот же - для Андрея они все на одно лицо.

По залу негромко лилась мелодичная «Undercover» в исполнении Сюзанны Сандфёр. Елена Эдуардовна бросила на Андрея взгляд, обожгла пронзительной зеленью, потом повернулась к мужчине, неспешно приподнялась из-за стола.

Андрей неожиданно для себя тоже встал, обошёл за спинами, уверенно шагнул к ней и протянул руку:

- Елена Эдуардовна, позвольте?

- Но я... - начал было возмущаться мужчина.

- Прошу прощения, - улыбнувшись, извинилась перед ним

Елена Эдуардовна и приняла руку Андрея.

Почему-то он даже не подумал, ни на миг не усомнился, что она пойдёт с ним, а не с тем, другим. Легонько сжимая тонкие прохладные пальцы, он вывел её в центр зала. Уверенно развернул к себе, положил ладони на талию. Удивительно - руки её были холодны, а тело так и источало жар, даже сквозь ткань платья.

Как давно он не танцевал! Вечность целую. Но об этом Андрей думал лишь в первые секунды, потом забылся, растворился в ощущениях. А как тут не забыться, когда она в его руках, такая податливая, такая горячая. Он крепко прижал её к себе и уткнулся носом в макушку, вдыхая, смакуя дурманящий женский запах, ни капли не заботясь, что танец их всё меньше и меньше походил на танец. Зал этот белый, лица чужие, голоса перестали вдруг существовать. Кажется, он даже пропустил момент, когда закончилась композиция, потому что в сознание вдруг беспардонно ворвались задорные и шумные звуки какой-то латинской музыки.

- Ещё позажигаем? - смеясь, спросила Елена Эдуардовна и будто невзначай коснулась губами его уха. Спину вдоль позвоночника осыпало мурашками.

Он бы, может, и позажигал, но чёртова нога могла подвести в любой момент, а предстать перед ней хромающим и

неможным хотелось меньше всего.

- Позже. В горле пересохло, - произнёс он глухо, неотрывно глядя на её губы.

- Ну что ж, значит, пойдёмте пить, Андрей Викторович.

- Можно просто - Андрей.

Беседа за столом, когда они, разгорячённые, вернулись, совсем стихла. Банкир Русов взирал на них со странным прищуром. Блеск в глазах говорил, что он изрядно захмелел, но настроения ему это, очевидно, не прибавило.

- А давайте-ка, друзья-товарищи, выпьем за очаровательную Елену Эдуардовну, - неожиданно предложил он.

Она благодарно улыбнулась Русову, а он продолжил свой тост:

- Удивительная женщина! Красавица... но красавиц много. Так что красота не единственное её достоинство. В свои... сколько вам? Тридцать?

- Двадцать девять, - поправила она, и улыбка её заметно побледнела.

- Почти угадал. Так вот, в свои тридцать Елена Эдуардовна сумела достичь впечатляющих результатов. Сама, без всякой протекции, насколько я знаю. Помнится, правление даже подумывало ваш филиал закрыть за нерентабельностью. Но пришли вы - и вуаля. Бьёте все рекорды. Это достойно восхищения.

- Вы преувеличиваете, - смутилась Елена Эдуардовна.

Андрею плевать было на рекорды, сейчас он видел в ней только женщину, красивую и безумно желанную. Всё осталь-

ное казалось ненужной мишурой.

- Не скромничайте, дорогая Елена Эдуардовна, - не умолкал Русов. - Даже вот этот ваш проект... Ещё ведь ничем ничего, одни разработки, а уже всё внимание вам. Отличный маркетинговый ход - выставить известную, хоть и бывшую, звезду футбола. Люди ведь всегда клюют на имена. И я такой же, что уж скрывать. А Андрея Батурина ещё не все успели забыть. Кое-кто помнит...

Она менялась на глазах. Улыбка окончательно сползла с её лица. Елена Эдуардовна даже заметно побледнела. Взглянула с холодной ненавистью на Русова, затем бросила на Андрея взгляд, в котором столько всего было намешено, но он прочёл лишь одно - вину.

Вот как! Значит, госпожа директор его взяла не потому, что он ответственный, умный или что там ещё она ему плела? А в качестве фантика, приманки, ну или свадебного генерала.

Нельзя сказать, что он очень разозлился, скорее, разочаровался, но продолжать этот вечер отпало всякое желание.

- Я с превеликим удовольствием выпью за очаровательную, умную и крайне находчивую Елену Эдуардовну, - провозгласил Андрей, больше не глядя на неё. Выпил залпом, потом повернулся к банкиру, придавил тяжёлым взглядом, хлопнул ладонью по столу перед ним так, что тот слегка вздрогнул. Убрал руку - на скатерти осталась визитная карточка Русова. Опередив его вопрос, пояснил: - Не понадо-

бится. Благодарю за предложение, но не заинтересован...

Андрей встал из-за стола и решительно двинулся на выход. В голове - гулкая пустота, в душе - чёрт не разберёт, что там в душе. Одно он знал точно - сейчас надо побыть одному, чтобы успокоиться и не наговорить лишнего.

У лифта она его догнала. Тронула за локоть, но тут же одёрнула руку, будто спохватившись.

- Андрей Вик... Андрей, подождите! Вы всё не так поняли.

Он молчал, следил взглядом за меняющимися на табло цифрами: 17, 16, 15...

- Да выслушайте же вы меня!

Он и бровью не повёл.

- Вы ведёте себя как мальчишка! - злилась она.

- Я? Как мальчишка? - среагировал наконец. - Я просто стою и жду лифт. Что здесь мальчишеского?

- Вы ушли!

- Мне стало скучно. Или я обязан был испросить вашего дозволения, Елена Эдуардовна?

Лифт нежно тренькнул и плавно раздвинул перед ними двери. Он шагнул в кабину, она - следом.

- Не делайте вид, что не понимаете меня, - наседала она, исподлобья сверля его зелёными глазами.

Он привалился спиной к противоположной стене.

- Русов этот... я не знаю, он, по-моему, просто напился и нёс какую-то чушь. То есть...

Вдруг свет дрогнул и погас. Кабина резко дёрнулась и

остановилась. Елена Эдуардовна сдавленно охнула и замолкла. Андрей про себя чертыхнулся. Только застрять в лифте не хватало для полного счастья. Он достал телефон, выцепил лучом панель, нашёл кнопку вызова. Нажал раз, другой - не работает. Теперь уж он, не сдержавшись, выругнулся вслух.

- Куда там надо звонить? - пробормотал, скользя лучом фонарика по табличке. - О, вот номер аварийки...

Набрал. Гудки шли, но никто не отвечал. Снова набрал - и опять без ответа.

- Да что же это такое?!

Тут только он сообразил, что Елена Эдуардовна не просто молчит, а молчит как-то уж слишком напряжённо. И при этом шумно и часто дышит.

«Она боится! - догадался он. - Боится жутко, панически».

Обвёл бледным лучом кабину. Нашёл её. Она вжалась в самый угол. Лицо белое и каменное, в глазах - неконтролируемый ужас, только грудь тяжело вздымается.

- Э-э, - только и смог выдавить. Затем шагнул к ней. - Ну же, не бойтесь. Подумаешь беда. Лифт скоро заработает.

Она не реагировала, только дышала всё чаще и громче.

«Неужто у неё боязнь замкнутого пространства?», - мелькнула догадка.

Что делать в таких случаях, он имел очень слабое представление, но где-то когда-то слышал, что человека, охваченного паникой, следует крепче обнять. Это он и сделал - прижал к себе, зашептал:

- Ну всё, всё... я с тобой, всё будет хорошо, - одной рукой он зарылся в её волосы, перебирал пряди, пропускал сквозь пальцы, гладил, слушая, как постепенно успокаивается её дыхание.

- Я просто перенервничала, - наконец сдавленно прошептала она, даже не пытаясь выскользнуть из его объятий. Наоборот, уткнулась лбом в его плечо.

- Бывает, со всеми бывает, - ответил он ей в макушку и... неожиданно для самого себя поцеловал.

Она это почувствовала и как будто замерла в его объятиях, которые ещё несколько секунд назад казались абсолютно невинными и естественными. Теперь же он думал лишь о том, что прижимает к себе женщину. Женщину, которую давно и страстно желает.

Кровь тотчас ударила в голову мощно, горячо, затмила разум. Объятия его неосознанно стали крепче, жарче. И даже в тот момент он, возможно, ещё смог бы сдержаться, но она вдруг отозвалась на его порыв: выдохнув, потянулась, плавно выгнулась, подняла к нему лицо. Вожделенные губы оказались нестерпимо близко, и его накрыло так, что ни единой мысли в голове не осталось. Последние остатки разума затопило необузданное желание. Андрей чуть склонил голову и жадно впился в её губы.

Вскоре в ожившей кабине вспыхнул свет. Покачнувшись, она медленно поплыла вверх.

Елена тоже вздрогнула. Оторваться от неё стоило ему воистину титанических усилий. Он привалился к холодной металлической стене спиной, рядом с ней, плечом к плечу, и смежил веки, спасаясь от слепящего света и от эмоций, которые, казалось, сейчас попросту разорвут нутро. Грудь мощно вздымалась, так и ходила ходуном. Сердце исступлённо молотило. В паху сводило от болезненно-острого возбуждения.

Она тоже никак не могла успокоиться и так же шумно дышала. Андрей нащупал её руку, сцепил пальцы. Она вырваться не стала, наоборот ответила еле уловимым пожатием. Но этого знака было достаточно, чтобы понять - она готова пойти дальше, пойти с ним...

Происходящее казалось таким немыслимым, что даже верилось с трудом в его реальность. Она, такая холодная, надменная и недостижимая, только что с пылом отвечала на его поцелуи!

Мелькнула мысль: может, перебрала с вином, а завтра обо всём горько пожалеет?

Ну и плевать, отогнал он слабые попытки разума включиться. У него есть сегодня. Что будет завтра - он не знает,

так что к чему гадать. Зато знает одно - он желал эту женщину почти с первого взгляда, почти год. Желал и ненавидел. Теперь уже ненависти в сердце не осталось, зато желание сжигает его изнутри и буквально сводит с ума.

Лифт остановился на его этаже. Андрей скосил на неё глаза.

- Я провожу?

Она кивнула, и он крепче сжал её пальцы. Не удержался - поцеловал в висок, ощутил под тонкой кожей пульс. Порывистый вздох выдал нетерпение.

Оба понимали, что «провожу» - это лишь предлог, иносказание, своеобразная дань правилам приличия, что на самом деле он спрашивал её о другом и ответила она согласием.

Несколько секунд спустя лифт выпустил их на двадцатом этаже.

Стоя перед дверью съюта, Елена искала в крохотной сумочке ключ-карту. Обычно размеренные и изящные сейчас её движения были резковаты и хаотичны. А он... он и во все больше сдерживаться не мог. Воля иссякла, обрушилась, словно песочный замок под напором набежавшей волны. Прильнул к ней сзади, одной рукой обхватил её живот, прижал к себе, к разгорячённой плоти, рвущейся наружу. Вторая рука беззастенчиво скользнула вверх, нашла упругую грудь.

Елена замерла, откинула голову назад, легла затылком на его плечо, открыв длинную шею, и он тут же приник губа-

ми к нежной коже. Уловил дрожь, и собственное тело тотчас отозвалось тяжёлой пульсацией в паху. Невозможно терпеть!

Клатч выпал из её рук. Вместе со всякой мелочёвкой на ковер выскользнула и ключ-карта. Андрей порывисто нагнулся, подобрал, а заодно огладил рукой стройную ногу от лодыжки до бедра.

Наконец они оказались в номере, наедине. И ощущение возникло такое, будто отделились от всего мира и образовали другой, свой мир. Наконец он сдёрнул обманчиво простенький сарафан и... ошалел, словно неискушённый подросток, впервые увидевший обнажённую женскую грудь. Сам порывисто высвободился из стесняющих брюк, скинул рубашку. Наконец ощутил её кожу своей кожей. Наконец коснулся везде, руками, губами. Наконец испытал мучительную сладость её ответных ласк, таких же откровенных, нетерпеливых и жарких. Ещё слаще было видеть и чувствовать, как она плавится, трепещет, тихо постанывает, мечется, выгибается ему навстречу...

Дальнейшее слилось в едином мареве острого наслаждения, стремительно нарастающего с каждым вздохом, с каждым движением, пока не разорвалось оглушительным оргазмом.

В ту ночь Андрей так и не ушёл. Любил словно в последний раз, заводился от её взгляда, от вздоха, от прикосновения, и никак не мог насытиться, пока сон окончательно не сморил его уже под утро.

Завтрак они оба благополучно проспали.

Елену Эдуардовну разбудило негромкое, но назойливое гудение. Медленно, не желая отпускать сон, она разомкнула веки.

Гудел телефон - ещё вчера она перевела его в режим беззвучной вибрации.

Однако телефон её совсем не волновал. Какой уж тут телефон, когда она очнулась в плену крепких мужских рук. А ещё она была абсолютно голая. И мужчина, что плотно прижимался к её спине и сонно дышал в затылок, тоже. Потрясённая, она замерла, даже дышать перестала.

Впрочем, память не стала её долго мучить, и вскоре все фрагменты ночного безумства всплыли сами собой.

«Андрей!», - ёкнуло сердце. Она провела ночь с Андреем Батуриным! Как она могла забыть такое?! Пусть даже на несколько секунд. Елена Эдуардовна смущённо зарделась, вспомнив, что делал он, что делала она. Господи, какой стыд! И какое блаженство...

Себе-то можно не врать - она этого хотела, она об этом даже мечтала, что уж там. И представляла в потаённых фантазиях. Но реальность оказалась ещё более яркой.

Однако она и представить не могла, что будет вести себя

настолько раскованно с мужчиной. Это всё вино, конечно. Оно раскрепостило. Наверняка. С бывшим своим ведь она такого не вытворяла. И, надо признаться, удовольствия такого тоже никогда не получала. А тут...

От одних воспоминаний её бросило в жар и внутри разлилось сладкое томление. Кожа вдруг сделалась крайне чувствительной, и если до этого ощущать Андрея сзади было просто приятно и волнующе, то теперь тело ныло от удовольствия и требовало большего. Ещё и этот запах мужской обволакивал, будоражил кровь, туманил разум. Хотелось прижаться теснее, но... не могла - стеснялась. Стеснялась и от того распалялась ещё больше, почти изнемогала.

Может, выпутаться тогда из его объятий и пойти в душ? Она попыталась вывернуться, но тотчас его руки ожили, прижали плотнее, медленно, дразня, огладили грудь, живот, тронули там. С губ сорвался предательский полувздых-полустон. И его руки тотчас осмелели. Ласки стали бесстыдными, но такими упоительными. Плечи, шею, а затем и грудь опалили поцелуи.

Стеснение как-то само собой исчезло, забылось. Осмелев, она скользнула рукой вниз - ощутила, какой он там твёрдый, напряжённый, горячий, и у самой низ живота свело. Теперь и его выдал шумный, судорожный вздох. Он нетерпеливо толкнулся в её ладонь, затем развернул Елену к себе и, покрывая поцелуями лицо, вошёл. Двигался сначала медленно, явно сдерживаясь изо всех сил и прислушиваясь к её ощуще-

ниям, но затем сорвался, быстрее стремясь к разрядке, пока не излился уже почти прозрачными каплями на живот.

Ещё какое-то время они расслабленно лежали, рядышком, в переплетенье руки и ног, и постепенно остывали. Лёгким прикосновением пальца он вычерчивал на её коже узоры. Она разобрала - он выводил её имя. Лена.

- Ты потрясающая, такая красивая... - прошептал он. Взял её руку, поднёс к губам, нежно поцеловал.

Для такого молчуна и эта малость была приливом откровения. Но Елене Эдуардовне хотелось большего. Вообще хотелось поговорить. Понять, что думает, что чувствует этот мужчина, рядом с которым она теряла свою силу, свою уверенность, но и обретала взамен нечто другое. Наверное, чувство защищённости. Да и просто ощущала себя именно женщиной, живой, желанной, нужной.

- А что от тебя хотел Русов? - поинтересовалась она, слегка побаиваясь, что он вновь рассердится из-за слов этого зловредного банкира.

- Работу предлагал.

- А ты?

- А я обдумал и отказался.

Почему-то «обдумал» немного задело.

- Что ж так? У него там, наверное, сплошные плюсы.

- Угу.

- Тогда почему?

- Потому что, - он скосил на неё глаза, улыбнулся, - потому что ты красивее Русова.

- Да ты король комплиментов! А знаешь, если честно, то мне казалось, что ты меня ненавидишь, - с коротким смешком призналась она. - Ну во всяком случае, ещё какое-то время назад.

Он нахмурился и с ответом не спешил. Она даже слегка напряглась.

- Хм, такое красноречивое молчание. Неужто и впрямь ненавидел или... ненавидишь до сих пор?

- Ну конечно, нет, - вздохнул он. - Если бы ненавидел, меня бы тут не было. Просто в прошлом случались кое-какие неприятные моменты.

Теперь нахмуриться пришла её очередь.

- О чём ты? Неужто всё тот отчёт никак забыть не можешь? Да я даже не ругала тебя! И Любу, между прочим, по твоей просьбе не стала наказывать. Так только... пожурела слегка.

Упоминание о Любе, даже вот такое, мимолётное, неприятно царапнуло. Сразу же, точно рефлекторно, всплыл подслушанный разговор, но Елена Эдуардовна заставила себя не думать об этом. Не портить такой чудный день.

- Да причём тут отчёт? Это ерунда. Послушай, мне не хочется вспоминать...

- Нет уж давай! - Она перекатилась на живот, приподня-

лась на локтях и вперилась в него пытливым прищуренным взглядом. - Выкладывай! Нехорошо это - заикнуться и замолкнуть. И вообще, должна же я знать, в чём перед тобой провинилась. А то ощущение, будто у тебя камушек за пазухой.

- Какой камушек? Никаких камушков. Я просто хочу забыть всё неприятное. Иди ко мне... - Он хотел притянуть её к себе, но Елена Эдуардовна не далась.

- И всё-таки я хочу знать. Ты скажи, а потом забывай. Так будет честнее.

- Да не о чем рассказывать, - вздохнул он. - Просто ты всякий раз при встрече клевала мне мозг: не так одет, не так иду, не так посмотрел... Цеплялась по пустякам, ну и в выражениях, знаешь, тоже не стеснялась. Так что - да, Лена, некоторое время назад ты меня весьма подбешивала. Но давай оставим это в прошлом...

- А я ведь не помню этого... - задумчиво произнесла она. - Я, наверное, просто не в себе была. Я осенью близкого человека потеряла. Хотелось выть от горя, а надо марку держать. Работать, планы выполнять. Ну и... срывалась...

Он снова притянул её к себе. На этот раз она сдалась.

Больше щекотливых тем они не касались, если не считать его замаскированного упрёка, что вчера она, мол, флиртовала со всеми напрапалу. Но это было даже отчасти приятно.

- Так ты ревнивец? - смеясь, заметила она.

- Ещё какой! - весело подтвердил Андрей.

- Слушай, - переборов неловкость, задала Елена Эдуардовна вопрос, который терзал её уже несколько дней. - А вот ты говорил про дорогую гостью...

- Так ты у нас ревнивица? - в тон ей усмехнулся Андрей, но не стал томить. - Это сестра. Ника. Мы с ней и правда очень редко видимся. Она археолог... А у нас ещё какие-то есть дела по работе сегодня?

- Какие уж тут дела? Полдня прошло. Хотя утром был круглый стол, но он не так и важен. Вечером будет какое-то развлекательное мероприятие... Хочешь пойдём?

- Я бы лучше с тобой вдвоём побыл. Можно просто погулять по городу. Ну и поесть тоже бы не мешало.

- Я не против.

Конечно, она не против! Ещё как не против!

Елена Эдуардовна сразу же воодушевилась. У них в запасе намечался целый день, который можно провести так, как захочется и только вдвоём. Завтра утром самолёт и ещё неизвестно, как всё сложится потом, дома. И дело даже не в условностях, не в том, что Андрей - её подчинённый, а в том, что она понятия не имеет, как он к ней относится, что чувствует... Она ему нравится как женщина - это очевидно. Но теперь хотелось большего, чем просто влечение. И вот тут уже начинались сомнения...

Впрочем, сейчас она их оттринула, загнала в дальний угол. День-то у них есть. Чем терзаться, лучше провести его с удовольствием, ну а потом что будет, то и будет. Ведь так мало

в её жизни выпадает счастливых моментов.

- Хорошо, только мне надо мало-мальски привести себя в порядок, - сказала она.

- Ты и так выглядишь изумительно. Это уж, скорее, мне надо приводить себя в порядок, - усмехнулся он, доставая из-под кресла измятые брюки. - А рубашка где?

Рубашка нашлась на входе и выглядела не лучше брюк.

- Я, вообще-то, не настолько неряшлив... обычно, - оправдывался он, застёгивая пуговицы на груди, - просто вчера...

- Я помню, что было вчера, - томно улыбнулась Елена Эдуардовна и подметила по его взгляду, как тотчас он среагировал.

В тёмных глазах полыхнули уже знакомые искры. И пока не разгорелся огонь, она сбежала в ванную. А то ведь так они никуда и не сходят.

- Я в душ, закроешь дверь за собой?

- Закрою, - пообещал он, не скрывая лёгкого разочарования, и уточнил: - Значит, встречаемся внизу через два часа?

- Так точно, - ответила она уже из ванной.

Стоя под тёплыми струями, Елена Эдуардовна улыбалась и даже тихонько мурлыкала под нос какую-то мелодию. Потом тщательно укладывала феном волосы, затем не менее тщательно подбирала наряд для прогулки. Хотелось выглядеть и просто, и, в то же время, впечатлить.

Остановилась на узких брючках и тонкой блузке. Оглядела себя критически - осталась довольна.

Между тем прошёл всего лишь час. Елена Эдуардовна даже поразилась собственной скорости - обычно подобные приготовления отнимали у неё значительно больше времени. Подумала: может, и Андрей уже готов? Ему-то, собственно, марафет наводить не нужно. Зачем тогда ждать?

Она достала сотовый, набрала его номер. Но задребезжало откуда-то из-под кровати. Она наклонилась и точно - его телефон голосил именно оттуда. Видимо, выпал из кармана брюк, а Андрей не заметил.

Елена Эдуардовна потянулась, достала, бросила взгляд на светящийся экран и... внутри всё оборвалось. Точно её внезапно столкнули в ледяную воду.

Нет, в первую секунду она ещё ничего не поняла, просто бессмысленно смотрела на дисплей. Вероятно, мозг противился воспринять то, что увидели глаза. Эту секунду, по-

следнюю секунду, она ещё жила, ещё была собой. Но затем жуткое осознание пронзило всё нутро насквозь тысячами, миллионами игл... На пятидюймовом экране высветилось имя звонившего: Старуха.

Странно, но слёз не было. Ни слезинки. Хотя больно было так, что она и рада бы взвыть, да ни звука не могла выдавить. Только беззвучно открывала и закрывала рот, будто задыхалась. Она и задыхалась - не получалось вдохнуть толком. Казалось, в груди разверзлась огромная страшная рана, несовместимая с жизнью. Оттого каждый вздох давался с немыслимым трудом и жгучей болью.

Дрожь, зародившаяся где-то в глубине тела, стремительно нарастала, нещадно сотрясая всё тело. И спустя минуту её уже колотило так, что телефон выпал из рук, и сама она сползла на корточки, не в силах устоять.

Мысли нещадно жалили, разъедали разум: она-то, глупая, так боялась, что кто-то её назовёт при нём Старухой, а оказалось... оказалось он сам так её называл... как Люба, как все они, кто её ненавидит. Кто плюют в неё за спиной. Он такой же...

Воображение издевательски рисовало картины, как они её обсуждают и повторяют, раз за разом повторяют это ужасное, мерзкое слово... старуха, старуха, старуха... Их лица корчатся в злобных гримасах. Они все, и он, и Андрей вместе с ними, смеются над ней, точно так же, как смеялись одно-

классники, называя её косой...

«Господи, я не вынесу этого! Почему он? За что? Я не могу так больше», - наконец из груди вырвался стон и судорожный всхлип.

Но плакать она себе не позволила.

«Дыши, давай же. Вдохни полной грудью, ещё. И не думай ни о чём, - твердила себе точно мантру Елена Эдуардовна, крепко стиснув челюсти, тяжело, судорожно и шумно вдыхая. - Потом, всё потом. Завтра, послезавтра, только не сейчас, иначе ты сломаешься. А нельзя. Отключись от всего! Не думай!».

И это маленькое самовнушение, как ни странно, помогло. Боль, конечно, никуда не делась, но смиростивилась и при-молкла до поры до времени.

«Что делать? Что сейчас мне делать?», - металась по номеру Елена Эдуардовна.

А ничего не делать. Надо ехать домой. Немедленно. Потому что сейчас она не сможет с ним не то что говорить, а даже видеть его. Потому что сейчас это её действительно ломает, не уничтожит, так покалечит, и неизвестно, как быстро она потом сможет собрать себя воедино. Ну и потому что дом есть дом.

Елена Эдуардовна решительно и споро собрала и упаковала вещи - и четверти часа, наверное, не прошло. Хотя и вещей она взяла с собой не так уж много, к счастью.

Внизу, пока девушка на ресепшене заполняла бумаги, Елена Эдуардовна опасливо осмотрелась - назначенное время ещё не подошло, но вдруг он спустится раньше времени. Не дай бог! Видеть его сейчас она просто не в силах...

- А вы ведь завтра должны выезжать? - поинтересовалась девушка. - У вас номер оплачен до завтра.

- Планы изменились, - сухо ответила Елена Эдуардовна.

- Мы можем заказать для вас такси в аэропорт, если необходимо.

- Не нужно, я еду поездом. И, пожалуйста, можно побыстрее?

- Да-да, сейчас, простите.

Это замечательно, что её секретарь, её бессменная помощница Людмила Михайловна, выбрала из всех отелей города именно этот - в двух шагах от вокзала. Только площадь пересечь.

Елена Эдуардовна торопливо припустила в сторону мятно-зелёного нарядного здания, процокола по мостику и, влетев внутрь, устремила к кассам. Удача хоть тут улыбнулась - ближайший поезд на Иркутск отходил через каких-то сорок минут.

- Есть билеты только в вагоны повышенной комфортности, - сообщила женщина-кассир.

- Мне такой и надо, - дёрнула плечом Елена Эдуардовна.

Время спустя она, устроившись одна в двухместном купе,

пустым взором наблюдала, как за окном проплывает оживлённый Новосибирск. Эта оживлённость так резко контрастировала с её собственным оцепенением, с её мёртвой и холодной пустотой внутри. Пока ещё она держалась, действовала на автомате, потому что была хо

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.